Международный научно-практический
междисциплинарный журнал

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

№ 1-2 январь - декабрь 2011 Том 11

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический междисциплинарный журнал

Выходит 2 раза в год на русском языке
(отдельные выпуски на английском языке)

№ 1-2, 2011, январь - декабрь, Том 11

Главный редактор: *В.Е. Лепский* **(***Россия)*
E-mail: Lepsky@tm-net.ru

Члены редакционного совета:
С. Амплеби *(США),* Ю.М.Батурин *(Россия)*, Б.И.Бирштейн *(Канада),* А.Л.Журавлев *(Россия),* В.П.Зинченко *(Россия),* В.А.Лекторский *(Россия),* В.А.Лефевр *(США),* В.Ф.Петренко *(Россия),* Д.А.Поспелов *(Россия),* В.В.Рубцов *(Россия),* В.С.Степин *(Россия),* А.А.Стрельцов *(Россия),* Ю.П.Шанкин *(Россия),* Щедровицкий П.Г. *(Россия)*

Члены редакционной коллегии:
Д.Адамс-Вебер *(Канада),* О.С.Анисимов *(Россия),* В.И.Аршинов *(Россия),* В.А.Бажанов *(Россия),* В.И.Боршевич *(Молдова),* О.И.Генисаретский *(Россия),* И.Е.Задорожнюк *(Россия),* Г.Г.Малинецкий *(Россия),* С.Ю.Малков *(Россия),* В.А.Петровский *(Россия),* А.Н.Поддьяков *(Россия),* В.Л.Рабинович *(Россия),* С.П.Расторгуев *(Россия),* В.М.Розин *(Россия),* И.Н. Семенов *(Россия),* Г.Л.Смолян *(Россия),* Т.Л.Томас *(США)*

Руководитель редакционно-издательской группы:
В.И.Белопольский *(Россия)*

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №77-7309 от 19 февраля 2001 г.

E-mail: Lepsky@tm-net.ru
http://www.reflexion.ru

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Учредители журнала
Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН,
Владимир Лепский (Россия)

Издается с участием
Учреждения Российской академии наук Института философии РАН

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 4

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Лепский В.Е. Стратегические рефлексивные игры как социогуманитарные технологии российского развития…….. 5

ПСИХОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: понимание и основные подходы к исследованию…… 24

Солондаев В. К. Дестабилизация субъекта в процессе рефлексии…. 34

Аникина В.Г. Культурно-историческая феноменология рефлексии… 46

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Лефевр В.А. *(США)* Теоремы о социальной свободе…… 58

Лефевр В.А. *(США),* ***Тарасенко С.С****. (Япония)* Установки. Консенсус……... 63

Тарасенко С.С*. (Япония)* Рефлексивный анализ в политике: ядерный кризис в Японии…… 67

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Никитаев В.В. Форсайт как рефлексивное управление 70

Каракулов М. С., Кадыров А. А. Стимулирование рефлексивных процессов в социальных средах (сообщество безвозмездного дарения Дару-дар)……. 79

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ЭТЮДЫ

Белкин С.Н. Разговор с отставным советологом…….. 86

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Лефевр В.А. *(США)* Рассказы о Зинченко (80 лет В.П.Зинченко)… 95

НОВЫЕ КНИГИ

Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – 240 с.

Дметерко Н.В. Отзыв читателя…… 99

Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18-19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – 271 с….. 101

Yordanka Dimova. Reflective Approach to Education / Lap Lambert Academic Publishing, 2011.

Лефевр В.А. *(США)* Рецензия……...……... 102

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Задорожнюк И.Е. VIII Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление» 18-19 октября 2011 г…….. 106

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В 2011 году наступило время подведения итогов. Международный научно-практический междисциплинарный журнал «Рефлексивные процессы и управление» издается 10 лет. Журнал выдержал испытание временем. В трудные для России времена многие журналы прекращали свое существование в течение первого года.

Содержательный каркас журнала формировался в значительной степени под влиянием идей моего учителя В.А.Лефевра, однако были широко представлены и другие направления рефлексивных исследований.

Международный характер журнала подтверждают представленные статьи авторов из Германии, Канады, Киргизии, Латвии, Молдовы, Республики Беларусь, России, США, Украины, Японии.

Украшением журнала были статьи всемирно известных ученых из дальнего зарубежья - В.А.Лефевра (США), С. Амплеби (США), А.Б. Рапопорта (Канада), Д.Адамс-Вебера (Канада), а также специалистов обладающих как высокой научной культурой, так и культурой практических приложений в экономике и военной сфере - Б.И.Бирштейн (Канада), Т.Л.Томас (США). Широко представлены работы авторов из ближнего зарубежья. Так уж сложилось, что преобладали в журнале статьи отечественных авторов из десятков субъектов Российской Федерации.

Междисциплинарный и научно-практический характер журнала определяется профессиональным составом авторов: философы, психологи, социологи, культурологи, экономисты, математики, педагоги, управленцы, дипломаты, военные, бизнесмены, писатели, журналисты и др.

Вокруг журнала сформировалось международное научное сообщество, представители которого имеют возможность встречаться на постоянно действующих семинарах и международных симпозиумах.

В электронном виде журнал представлен в свободном доступе в Интернете, количество скачиваемых электронных копий достигает 1000 в месяц. В печатном виде журнал издается небольшими тиражами до 300 экземпляров.

Тематическая направленность журнала в ближайшие годы будет в большей степени ориентирована на рефлексивное обеспечение процессов развития России и мирового сообщества.

В.Е.Лепский

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИВНЫЕ ИГРЫ КАК СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

В.Е. Лепский

Учреждение Российской академии наук
Институт философии РАН,
главный научный сотрудник,
Президент Клуба инновационного развития ИФ РАН,
доктор психологических наук

Не нужно ждать с поникшей головой
новых глобальных катастроф,
а нужно попробовать смоделировать
другой путь развития мира.
С.П. Курдюмов

Проблематизация сложившейся ситуации

Для определения направлений совершенствования механизмов стратегического проектирования целесообразно начинать с проблематизации сложившейся ситуации. Под проблематизацией мы будем понимать:

Во-первых, не только выражение или выявление определенных «препятствий» социального развития, но и разработку условий, когда возникают возможные ответы.[1]

Во-вторых, эта процедура не может состояться вне исторического осознания ситуации и понимания типа реальности, с которой мы имеем дело, вне контекста культуры, под которой в данном контексте целесообразно понимать предельную общность всех основных слоев исторического процесса (экономических, социально-политических, идеологических, практически-технических, научных, моральных, философских и др.).[2]

В-третьих, проблематизация как принимаемая на себя миссия,

[1] *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Ч.3. Статьи и интервью 1970 – 1984.-М.: Праксис, 2006.
[2] *Лосев А.Ф.*Философия культуры http://humanities.edu.ru/db/msg/22664

осуществляющих ее субъектов, т.е. персонифицированная проблематизация (Г.П.Щедровицкий).

Основой для проблематизации сложившейся ситуации является фиксация базовых вызовов (препятствий, точек разрыва), через преодоление которых может осуществляться развитие. Нам представляется целесообразным зафиксировать следующие базовые вызовы в организации российского развития, достаточно обоснованные в научных публикациях и выступлениях представителей власти:

- *бессубъектность* российского развития;
- *культ денег* во всех сферах жизнедеятельности российского общества, власти и бизнеса;
- запредельный уровень *коррупции*;
- *отсутствие прозрачности* в механизмах стратегического проектирования;
- *низкая компетентность* госслужащих в стратегическом проектировании, фактически отсутствие культуры стратегического проектирования;
- *отсутствие доверия* в системе «государство – общество – бизнес» и как следствие отсутствие консолидации в интересах российского развития;
- фактическое *отстранение общества* от проектирования будущего.

Для адекватного реагирования на эти вызовы целесообразна фиксация следующих исходных оснований для поиска адекватных ответов:

- Вызовы имеют системный характер.
- Проблема организации развития суперсложная и требует для решения системного реагирования, а не фрагментарного, как это имеет место быть.
- Точкой опоры для реагирования на все виды вызовов является преодоление бессубъектности развития, организация сборки субъектов стратегического проектирования и стратегического аудита.[1]
- Организация сборки субъектов развития должна быть органично связана с процессами целеобразования и формирования стратегических компетенций.
- Методологической и методической основой организации инновационного развития должен стать средовой подход (рефлексивно-активные среды развития), адекватный

[1] Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010. – 271 с.

современным представлениям постнеклассической научной рациональности.[1]

– Рефлексивно-активные среды инновационного развития должны учитывать современные требования к динамическому моделированию социальных систем.

Схема приоритетных направлений реагирования на вызовы для организации российского развития и создания базовых социогуманитарных технологий представлена на Рис. 1.

Рис. 1. Требования к базовым социогуманитарным технологиям развития

Для учета сформулированных требований мы предлагаем использование комплексных социогуманитарных технологий, которые мы назвали «стратегические рефлексивные игры».[2] Одним из базовых

[1] *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

[2] *Лепский В.Е.* Стратегические рефлексивные игры – социогуманитарные технологии сборки субъектов российского развития / Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18-19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011.С. 152-157. http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf

методологических оснований для создания технологий данного типа послужил анализ тенденций в моделировании социальных систем.

Формальные модели и «человекоразмерные среды»: смена доминант в контексте представлений о научной рациональности

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С.Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в понимании рациональности в науках об управлении и развитии, а соответственно изменения в представлениях о моделировании социальных систем.

Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рассматривать как революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности.

Три крупные стадии развития науки, каждую из которых открывает научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это — *классическая* (соответствующая классической науке), *неклассическая* и *постнеклассическая рациональности*.[1]

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными лишь ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность.

Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект-средства-объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются

[1] *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.- 744с.

различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

Классический тип научной рациональности. Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций: научные исследования рассматриваются как познание законов Природы, существующих вне человека.

Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки, и оно ограничилось ***парадигмой «субъект-объект»***. В рамках этой парадигмы для моделирования социальных систем использовались разнообразные подходы: функциональный, аксиоматический, информационный, исследования операций, теории игр и др.

Функциональный подход, базирующийся на декларирование общности процессов управления в технических и социальных системах, универсализма и достаточности моделей типа “черный ящик”, позволяющих использовать традиционный арсенал математических методов. Характерной чертой функционального подхода является то, что сама специфика структуры или системы, остается как бы в стороне, основное внимание сосредотачивается на комплексе свойств, определяющих ее “поведение” при взаимодействии с окружающей средой.

Аксиоматический подход нашел, например, широкое распространение в моделировании экономических систем для моделирования экономического поведения человека. Однако, многочисленные экспериментальные исследования показали, что поведение людей не просто является каким-то отклонением от “оптимального” (соответствующего ожидаемому в рамках нормативных методов) - оно имеет принципиально иной характер. Этот вывод поставил под сомнение основы аксиоматического подхода к моделированию поведения человека в экономических системах.

Информационный подход к моделированию организационных систем управления базировался на теории информации. В центр внимания попали информационные потоки в организациях и

проблемы, связанные с их рационализацией. При этом человек рассматривался как пассивное звено переработки информации.

Исследование операций объединило под свои знамена многочисленные подходы в использовании математических методов в различных сферах практики.[1] Оперирующая сторона по определению находилась в достаточно пассивной позиции, так как в отрыве от него исследователь операции (специалист по прикладной математике) формировал множество альтернатив и определял "оптимальную стратегию", а затем предлагал ее ЛПР как нечто гарантированное, - по заданным критериям, но с многочисленными ограничениями, малодоступными в большинстве случаев для понимания ЛПР. То есть наблюдалась подчас явная, а иногда скрытая ситуация подмены ЛПР представителями кибернетики, искренне верящими, что можно все формализовать и найти оптимальную стратегию поведения. ЛПР фактически оказался отстраненным от процедур “становления” альтернатив, решение управленческих проблем фактически подменяется процедурой принятия решений.

Существенное развитие моделирование социальных систем получило в рамках становления неклассического типа научной рациональности.

Неклассический тип научной рациональности. Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний: что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире. На результаты научных исследований накладывается осмысление соотнесенности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности.

Противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для "не наделенных психикой" объектов. В случае, когда исследователю противостоит объект, "наделенный психикой", отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отношениях явно происходит нарушение "физических" постулатов, а исследователь становится всего лишь одним из персонажей в

[1] *Гермейер Ю.Б.* Введение в теорию игр и исследование операций. М.: Наука, 1971.-383с.

специфической системе рефлексивных отношений. Объекты становятся сравнимыми с исследователем по совершенству.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности с ним. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире).

В контексте неклассической науки развитие представлений об управлении в основном связано с преодолением ряда ограничений парадигмы «субъект-объект».

Переход в управлении от парадигмы "субъект – объект" к парадигме ***"субъект – субъект"*** ведет к новым представлениям об управлении; появляются рефлексивное управление,[1] информационное управление[2], управление активными системами[3] и др. В рамках этой парадигмы развитие моделирования социальных систем связано с многими научно-прикладными подходами: функционально-структурный, субъектно-деятельностным, рефлексивным и др.

Функционально-структурный подход. Одним из первых симптомов смены тенденций в моделировании социальных систем явился перенос центра внимания с аналитических на *имитационные модели и системы*. Эта переориентация была связана с осознанием ограниченности функционального подхода, долгие годы господствовавшего в кибернетике. Фактически это означало фиксацию недостаточности использования в данной области практики кибернетических моделей типа "черного ящика" и ориентацию на структурный подход, с предоставлением возможности пользователю проявлять активность в исследовании на моделях объектов управления и выборе стратегий поведения.

Интерес к имитационным моделям возник у разработчиков средств автоматизации управленческой деятельности в связи с тем, что их главная отличительная особенность состоит в обеспечении не только функциональной аналогии модели с объектом управления, но и структурно-функциональной, т.е. доступной пониманию пользователю

---

[1] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973.-158с.

[2] *Кононов Д.А., Кульба В.В., Шубин А.Н.* Информационное управление: принципы моделирования и области использования //Труды ИПУ РАН. Т. XXШ. - М.: ИПУ РАН. 2004. С. 5-29.

[3] *Бурков В.Н., Кондратьев В.В.* Механизмы функционирования организационных систем. М.: Наука, 1981.-384с.

и позволяющей ему использовать имитационные модели в качестве понятных заместителей реальности.[1]

Новый подход к созданию условий для проявления активности пользователей средств моделирования стимулировал интенсивное развитие в 1970-е годы проблематики *диалоговых систем*. Основанием этому послужило осознание двух принципиально тупиковых путей ранее проводимых разработок в этой области.

Во-первых, кибернетика и исследование операций мало что дали для решения одной из важнейших управленческих проблем - целеобразования. Выход из указанного положения специалисты по компьютеризации управленческой деятельности стали связывать с передачей этих функций самому ЛПР, обеспечивая ему "естественные" условия диалогового взаимодействия с ЭВМ.[2]

Во-вторых, следовало устранить несостоятельность развития естественно-языкового интерфейса, базирующегося на лингвистической концепции понимания коммуникационных процессов.

Для моделирования социально-экономических систем наибольшее распространение получили следующие виды имитационного математического моделирования:

– дискретно-событийное моделирование;

– системная динамика как парадигма моделирования;

– агентное моделирование.

Дискретно-событийное моделирование (сформировалось в 1960-х годах, большой вклад внес американский ученый Джеффри Гордон) - подход к моделированию, предлагающий абстрагироваться от непрерывной природы событий и рассматривать только основные события моделируемой системы, такие как: «ожидание», «обработка заказа», «движение с грузом», «разгрузка» и другие. Дискретно-событийное моделирование наиболее развито и имеет огромную сферу приложений — от логистики и систем массового обслуживания до транспортных и производственных систем.

Системная динамика (сформировалась по инициативе Джей Форрестера в 1950 годах) – парадигма имитационного моделирования, где для исследуемой системы строятся графические диаграммы причинных связей и глобальных влияний одних параметров на другие

---

[1] *Березкин Б.С., Лепский В.Е., Субботин Ю.А.* Имитационное моделирование в инженерно-психологических исследованиях деятельности операторов организационных систем / Методы и средства автоматизации психологических исследований. М.: Наука, 1982. С.30-43.

[2] *Брябрин В.М., Поспелов Д.А.* Проблемы построения диалоговых систем для общения с системами искусственного интеллекта // Человеко-машинные системы. М., 1977. С.3-17.

во времени, а затем созданная на основе этих диаграмм модель имитируется на компьютере. По сути, такой вид моделирования более всех других парадигм помогает понять суть происходящего выявления причинно-следственных связей между объектами и явлениями. С помощью системной динамики строят модели бизнес-процессов, развития города, модели производства, динамики популяции, экологии и развития эпидемии.

Агентное моделирование - относительно новое направление в имитационном моделировании, которое используется для исследования децентрализованных систем, динамика функционирования которых определяется не глобальными правилами и законами (как в других парадигмах моделирования), а наоборот. Когда эти глобальные правила и законы являются результатом индивидуальной активности членов группы. Цель агентных моделей — получить представление об этих глобальных правилах, общем поведении системы, исходя из предположений об индивидуальном, частном поведении ее отдельных активных объектов и взаимодействии этих объектов в системе. Агент — некая сущность, обладающая активностью, автономным поведением, может принимать решения в соответствии с некоторым набором правил, взаимодействовать с окружением, а также самостоятельно изменяться.

В контексте имитационного моделирования следует рассматривать также разнообразные виды игрового моделирования с ограниченным использованием математических методов: деловые игры, ролевые игры и др. А также проблемные игры, несколько выходящие за рамки имитационных игр, например, организационно-деятельностные игры.

Экспертные системы как вид математических моделей процедур принятия решений, адекватен представлениям парадигмы «субъект – субъект». Они выступают как средство формализации личного опыта и передачи его другим пользователям с обеспечением возможности идентификации автора знаний и процедур их получения. При попытках широкого внедрения экспертных систем в различные сферы практики возникли непредвиденные для их создателей трудности. По результатам многочисленных исследований отмечаются большие трудности создания промышленных систем и резко возрастающая сложность их развития. Главная причина, затрудняющая широкое использование экспертных систем, связана с тем, что принятые в них механизмы представления знаний адекватны частным случаям таких представлений и не соответствуют многообразию форм представления знаний, используемых человеком.

Рефлексивные математические модели (основатель В.А. Лефевр в 1960-е годы) по замыслу создателей предназначались в первую

очередь для преодоления двух постулатов скрытых в рамках естественнонаучные традиции.[1]

Постулат первый: "Теория об объекте, имеющаяся у исследователя, не является продуктом деятельности самого объекта". Этот постулат фиксирует доминирующее положение исследователя по отношению к объекту. Утверждение, что "природа не злонамеренна" является одной из форм осознания этого постулата.

Постулат второй: "Объект не зависит от факта существования теории, отражающей этот объект". Второй постулат порождает возможность говорить о свойствах и законах, присущих вещам. Они существуют объективно и лишь фиксируются исследователем.

В соответствии с этими постулатами отношения между исследователем и объектом описываются схемой "субъект-объект". Такой тип отношений был положен в методологические основы построения классической кибернетики. Принципиальная ограниченность этого подхода в теории управления отчетливо проявилась при попытках моделирования социальных систем, конфликтных взаимодействий, процессов общения, социальных и психологических феноменов, в которых поведение объекта оказывалось существенно зависящим от отношений с исследователями, от "модели ситуации, которую строил объект", от целей объекта и исследователя и их взаимных представлениях.

В контексте неклассической научной рациональности мы ограничились рассмотрением отдельных видов моделирования адекватных парадигме «субъект – субъект», очевидно, что список видов такого рода моделей намного шире рассмотренного нами.

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. В нем учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями, решается задача их соотнесении с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности.

Исходя из того что основой современной научной картины мира является универсальный эволюционизм, включающий в себя и «состояния социальной жизни», Степин обращает внимание на удивительное соответствие «современной научной картины мира не только тем новым менталитетам, которые постепенно формируются в недрах западной (техногенной) культуры конца 20-ого столетия в связи с осмыслением современных глобальных проблем», но и на ее

[1] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973.-158с.

соответствие «философским идеям, выросшим на почве самобытности России и ее Серебряного века, а также философским и мировоззренческим представлениям традиционных культур Востока».[1] Исходя из принципа универсального эволюционизма, он подчеркивает необходимость коммуникативного (диалогического) включения в современную научную картину мира всей совокупности ценностей мирового культурного развития. Только на этом, уподобляемом вселенскому, пути можно ожидать успехов с построением действительно человекомерных саморазвивающихся систем (примем это как некий очевидный постулат), а также подлинного понимания альтернативных идей восточных культур, в частности идеи о связи истины и нравственности.

Такое понимание постнеклассической научной рациональности предполагает введение в контекст любых научных исследований ***«полисубъектной среды»***, на фоне которой они проводятся. Среды, которая включает в себя наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей мирового культурного развития; среды, которая сама рассматривается как саморазвивающаяся система. Ключевой для теории управления в рамках постнеклассической науки становится ***парадигма «субъект – полисубъектная среда».*** В рамках этой парадигмы основным типом управления становится ***полисубъектное управление.*** Исходные посылки и рефлексивные модели полисубъектного управления были впервые сформулированы В.А.Лефевром.[2]

В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» - создание условий для их развития. В саморазвивающихся системах имеет место система онтологий,[3] в которой находят место различные механизмы социальных воздействий: управление (в контексте классической и неклассической науке), организация, модерирование, медиация, поддержка, стимулирование и др.

Эти тенденции отчетливо просматриваются в содержании большинства Нобелевских премий по экономике XXI века, в которых четко выражены тенденции к переходу в управления экономическими системами к парадигмам «субъект - субъект» и «субъект – полисубъектная среда». Ключевыми становятся «информационная

---

[1] *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.- 744с.

[2] *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973.-158с.

[3] *Лепский В.Е.* Онтологии субъектно-ориентированной парадигмы управления и развития / Рефлексивные процессы и управление . Сборник материалов VI Международного симпозиума 10-12 октября 2007 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского.-М. «Когито-Центр», 2007. С.59-61.

экономика», «психологическая экономика», «коммуникативная экономика», «экспериментальная экономика».[1] В России эти тенденции также находят отражение, например, в Центральном экономико-математическом институте РАН создана лаборатория «Экспериментальной экономики».

Парадигма управления «субъект - полисубъектная среда» может использоваться не только для управления развитием социальных систем, но и для их разрушения и снижения способности к развитию. Ярким примером являются концепция и технологии «управляемого хаоса».[2]

Проблематика моделирования саморазвивающихся полисубъектных сред находится в стадии становления. В данной работе мы предлагаем свое видение методологических основ такого рода моделирования.

Стратегические рефлексивные игры как базовые технологии динамического моделирования социальных систем

За последние 50 лет наблюдается постепенное снижение доверия к формальным методам динамического моделирования социальных систем. Наибольший интерес к формальным методам моделирования наблюдался с 60-х по 80-е годы прошлого столетия, что было связано с широким использованием инструментария исследования операций и теории игр в различных сферах приложений и прежде всего экономических и военных. Яркие результаты были получены в макромоделирование в рамках Римского клуба, что позволило обосновать тупиковый путь для человечества инерционного сценария. Модель «ядерной зимы» пробудила рефлексию человечества в понимании бессмысленности войн с использованием ядерного оружия. Можно привести многочисленные примеры успешного использования формальных моделей, за которые, в частности, был присужден ряд Нобелевских премий по экономике.

В конце XX века возникло некоторое снижения интереса к формальным методам моделирования социальных систем, что было связано с нечувствительностью данного вида моделирования к ряду мировых экономических кризисов, и в частности, для нашей страны не

---

[1] *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26 – 30 января 2009 года): Сборник трудов. − М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302-1308.

[2] *Лепский В.Е.* Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010, N4. С.69-78. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf

был спрогнозирован развал СССР и разрушение российской экономики. В начале XXI века методы формального моделирования оказались бессильны в прогнозировании финансово-экономических кризисов, в частности кризиса 2008 года.

В контексте постнеклассической рациональности базовым подходом при динамическом моделировании социальных систем становится обязательное включение человека в такого рода модели. Почему базовые («каркасные») модели полисубъектных сред должны быть с участием человека? Это связано с рядом трудно разрешимых проблем для формального моделирования:

- учета при моделировании разнообразных социогуманитарных факторов;
- создания распределенного наблюдателя;
- организации динамического регулирования сложности;
- интеграции различных типов картин мира (не только научных).[1]

Кроме того трудности формального моделирования социальных систем обусловлены тем, что этот метод базируется на каузальном подходе (причинно-следственном), а в современном мире все большее значение приобретает телеологический подход, неразрывно связанный с целевой детерминацией, т.е. с субъектным подходом.

Особый интерес к человекоразмерным моделям возникал в 80-90 годы прошлого столетия в связи с разработкой организационно-деятельностных игр (Г.П.Щедровицкий), представлениями Д.Сороса о рефлексивности в моделировании деятельности финансовых рынков, повышением интереса экономистов к человекоразмерным моделям экономических систем и др.

Наш прогноз на ближайшие годы в динамическом моделировании социальных систем связан с доминированием человекоразмерных моделей над формальными моделями.

При этом никоим образом не следует понижать роль формального (математического) моделирования. Меняется методология - головными в моделировании перестают быть математики, приглашающие ранее социогуманитарных специалистов «прояснить» отдельные параметры своих моделей - головными становятся специалисты доминирующего социогуманитарного профиля (системные интеграторы, возможно, представители социогуманитарной эргономики), которые приглашают математиков к встраиванию их моделей в базовый

[1] *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

«социогуманитарный каркас» нового поколения моделей социальных систем.[1]

Сегодня фактически мы возвращаемся к знаменитому спору «физиков и лириков» прошлого столетия. Однако теперь перевес будет на стороне лириков.

Попытки включения человека в различные типы моделей социальных систем имеют давнюю историю: деловые, ролевые, организационно-деятельностные игры и др. Общим для всех указанных типов игр было то, что они соответствуют неклассической рациональности. Доказательством этого утверждения являются базовые основания их организации.

Деловые игры базируются на организации имитационного (игрового) моделирования конкретных условий и динамики *производственной деятельности.* Моделирование деятельности – основа деловых игр.

Ролевые игры базируются на организации взаимодействия участников, которые действуют в рамках выбранных ими *ролей*, руководствуясь характером своей роли и внутренней логикой среды действия; вместе создают или следуют уже созданному сюжету. Действия участников игры считаются успешными или нет в соответствии с принятыми правилами. Игроки могут свободно импровизировать в рамках выбранных правил, определяя направление и исход игры. Моделирование ролей – основа ролевых игр.

Организационно-деятельностные игры (связаны с именем Г.П. Щедровицкого) базируются на организации схемы сложной пространственной *соорганизации коллективного мышления и действия* (мыследеятельности). Моделирование коллективного мышления (мыследеятельности) – основа организационно-деятельностных игр.

Варианты использования других типов игр для моделирования социальных систем с включением человека строились в той или иной степени на основе трех упомянутых выше типов игр.

Выделенные базовые основания деловых, ролевых и организационно-деятельностных игр позволяют сделать вывод, что они не вписывались в контекст постнеклассической рациональности, поскольку в них отсутствовала ведущая ориентации на исследование, моделирование и организацию субъектов, включая рефлексивные процессы и ценностные ориентации, их связь с культурой и др.

Для адекватного ответа на заполнения белого поля моделей, соответствующих требованиям постнеклассической рациональности нами предлагается введение нового типа моделей – ***стратегические***

[1] *Лепский В.Е.* Исходные посылки к становлению социогуманитарной эргономики стратегического проектирования // ЧФ: Проблемы психологии и эргономики. 2011, № 3. С.29-35. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2011_a.pdf

рефлексивные игры[1]. Речь идет о создании «человекоразмерных» рефлексивно-активных сред динамического моделирования социальных систем, в основу организации которых положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем.[2]

Стратегические рефлексивные игры в механизмах стратегического проектирования

Встраивание стратегических рефлексивных игр в механизмы стратегического проектирования существенно меняет сложившуюся методологию. Для развертывание процессов стратегического проектирования вводится начальный этап (сохраняющийся как постоянная подструктура) «Субъективизация стратегического проектирования». Выделим основные задачи, решаемые в контексте «субъективизации стратегического проектирования»:

Во-первых, «запускаются» взаимосвязанные процессы целеобразования, сборки субъектов развития и формирования у них стратегических компетенций.

Во-вторых, на производится расширение процессов сборки субъектов и совершенствования процессов целеобразования, с включением представителей государства, бизнеса, общества.

В-третьих, организуются процессы «проектной идентификации»[3] общества на основе специальных технологий «стратегических рефлексивных конгрессов» (Рис. 2).

---

[1] Понятия рефлексивных игр связано с именем В.А. Лефевра, которое он ввел еще в 60-е годы прошлого столетия. Он понимал под ними исключительно математические модели. Фундаментальное развитие математической теории рефлексивных игр сделано в работе: *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. - М.: «Когито-Центр».- 208 с.. Для сохранения трактовки Лефевра за понятием рефлексивные игры, мы вводим понятие стратегические рефлексивные игры.

[2] *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

[3] *Лепский В.Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. №2. С. 24-30.

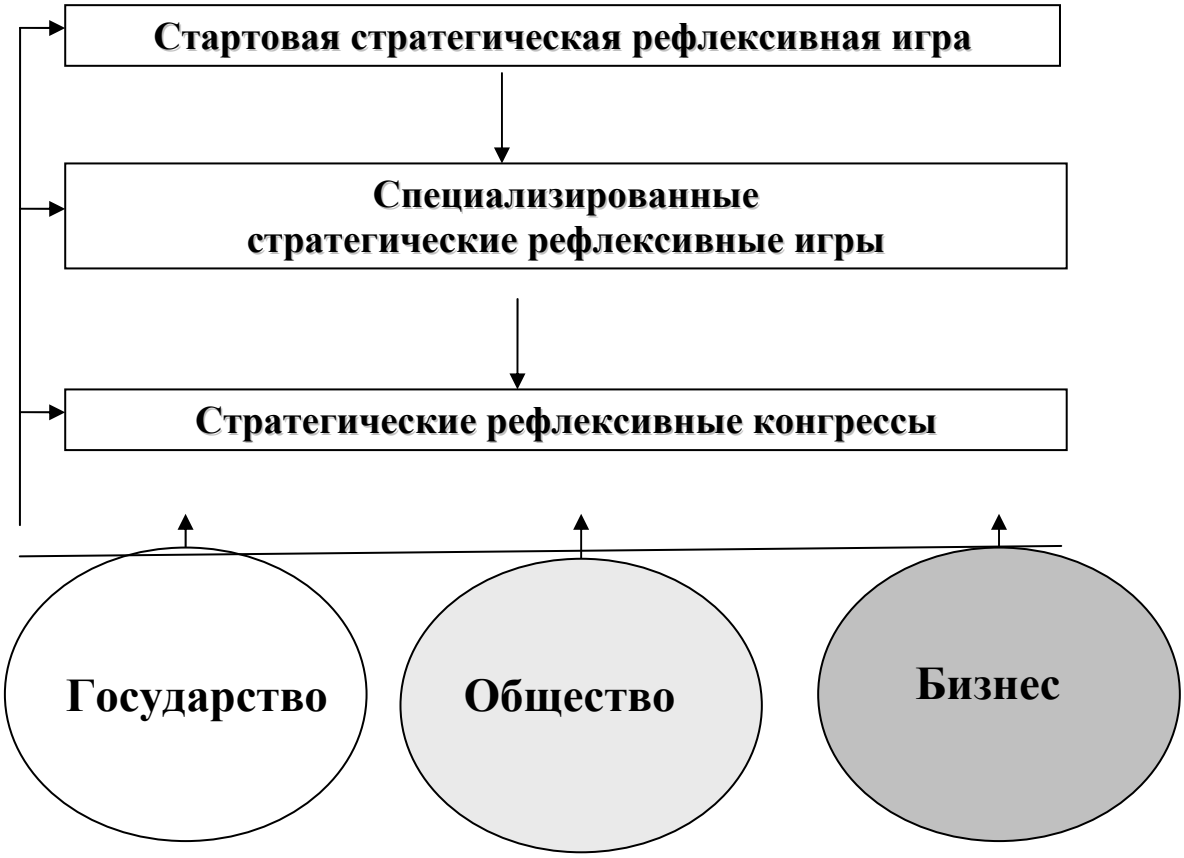

Рис. 2. Развертывание процессов сборки субъектов стратегического проектирования и стратегического аудита

В-четвертых, формируются исходные данные для этапов «Разработка и реализация стратегии развития», а также делегируется часть сформированной команды субъектов стратегического проектирования.

В-пятых, этот этап (блок) «Субъективизации стратегического проектирования» после «запуска» процесса разработки стратегии сохраняет за собой постоянные функции уточнения процессов целеобразования, поддержки и сопровождения процессов разработки и реализации стратегии развития, а также *функции стратегического аудита*. Фактически он превращается в постоянно действующую подструктуру стратегического проектирования и стратегического аудита.

В-шестых, стратегический аудит проводится не только и не столько по результатам стратегического проектирования, а непрерывно через включение субъектов стратегического аудита в блок «Субъективизации стратегического проектирования».

В-седьмых, состав задач стратегического аудита расширяется, наряду с аудитом результатов стратегического проектирования он ориентирован также на аудит процессов и субъектов стратегического проектирования.

Обобщенная схема стратегического проектирования с использованием стратегических рефлексивных игр представлена на Рис. 3.

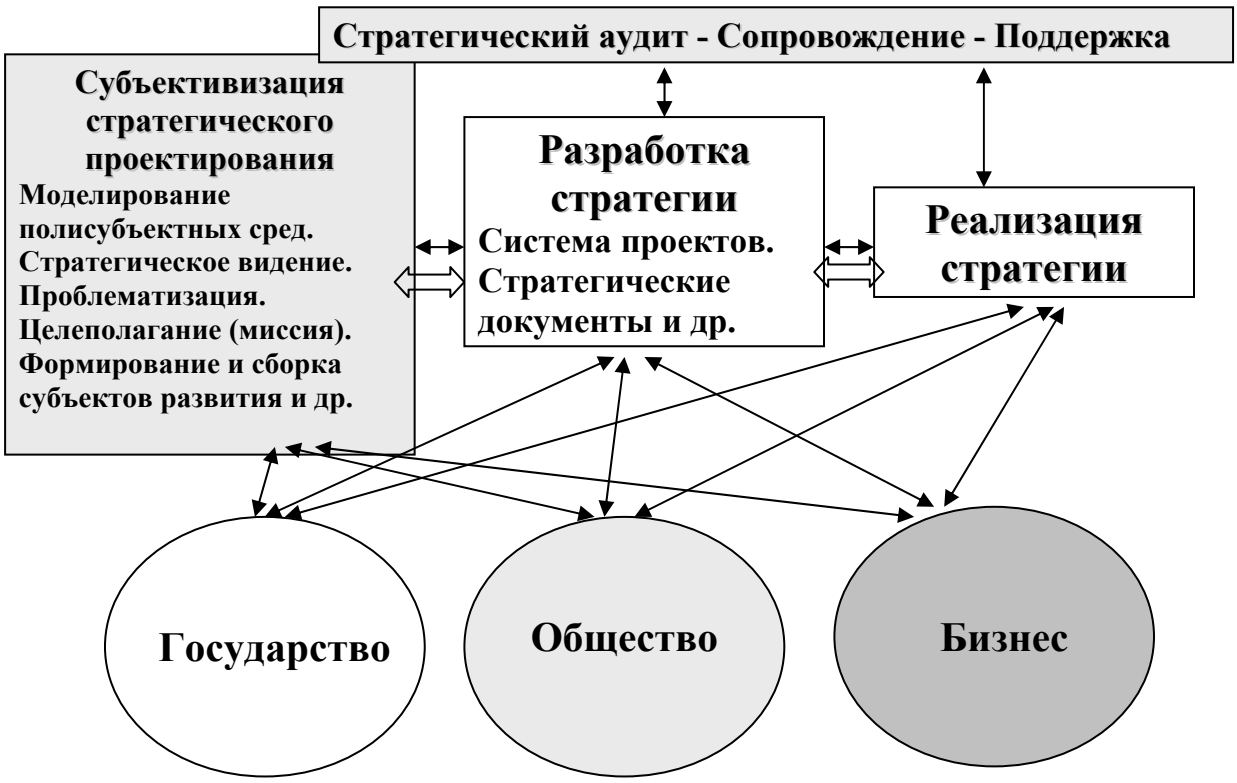

Рис. 3. Обобщенная схема стратегического проектирования и стратегического аудита с использованием стратегических рефлексивных игр (рефлексивно-активных сред развития)

Основные цели стратегических рефлексивных игр:

- организация стратегического целеполагания (миссии);
- формирование и сборка субъектов стратегического проектирования и стратегического аудита;
- сопровождение, поддержка и аудит разработки и реализации стратегии.

Основные функции стратегических рефлексивных игр:

Формирование базовой модели полисубъектной среды:

- актуализация и поддержка полисубъектной среды;
- формирование ориентировочной основы глобального видения социальной системы и ее окружения;
- формирование системы ценностей и смыслов адекватной культуре и сложившейся ситуации;
- формирование и поддержка рефлексивного конфигуратора;
- выявление «скрытых» субъектов управления процессами стратегического проектирования и стратегического аудита.

Формирование исходных данных для разработки стратегии:

- проблематизация сложившейся ситуации;

– организация целеполагания;
– формирование исходных данных (стратегические цели, сценарии, прогнозы, рефлексивные операции и др.).

Формирование и сборка стратегических субъектов развития:

– формирование профессиональных компетенций, необходимых для стратегического проектирования (удержание стратегического видения, рефлексивные способности, работа в группе, способности к модерированию и др.);
– мотивация конкретных субъектов к включенности в деятельность стратегического проектирования;
– самоопределение участников игры как стратегических субъектов развития;
– выявление скрытого лоббирования интересов конкретных субъектов;
– сборка стратегических субъектов развития;
– формирование стратегического кадрового резерва.

Сопровождение, поддержка и аудит разработки и реализации стратегии:

– частичный перевод (как фрактала) собранного субъекта развития для организации разработки стратегии и ее реализации;
– стратегический аудит базовым субъектом развития процесса стратегического проектирования;
– актуализация динамических моделей субъектов и проектов по документам разработки стратегии и результатам ее реализации;
– уточнение целеполагания с учетом изменяющейся ситуации и разработка предложений по коррекции стратегии и действий по ее реализации.

Постановка задач стратегического аудита потребовала расширения состава онтологических схем рефлексивно-активных сред развития. Введение новой схемы позволило расширить представление о возможных формах стратегического аудита, что позволяет гармонично сочетать распределенные и централизованные формы.

Для организации распределенных форм стратегического аудита целесообразна актуализация и поддержка процессов субъективизации рефлексивно-активной среды развития (сборки субъектов развития, стратегического проектирования). Это позволит сформировать соответствующие рефлексивные процессы включения во внутренние миры каждого субъекта саморазвивающейся среды субъектной позиции целого, что позволит согласовать свои интересы и с интересами и действиями совокупного субъекта. При этом каждый субъект среды

становится локальным центром социального организма, оптимизирующий свои действия в интересах совокупного субъекта. Фактически каждому субъекту делегируются полномочия стратегического аудита в сфере его профессиональной деятельности.

Для организации централизованных форм стратегического аудита целесообразно создание оргструктуры представителей стратегического аудита, включенных во все онтологические схемы рефлексивно-активной среды развития. При этом все субъекты централизованной оргструктуры стратегического аудита должны быть включены в процессы субъективизации рефлексивно-активной среды развития.

Апробация стратегических рефлексивных игр в учебных процессах. К настоящему времени отдельные технологии организации стратегических рефлексивных игр апробированы только в учебных игровых проектных процессах:

- «Россия и война в Ираке» Дипломатическая академия МИД России - слушатели и преподаватели (2002 г.).
- «Россия и второй шанс США» ИФ РАН - аспиранты ИМЭМО РАН и приглашенные эксперты (2008 г.).
- «Россия в мировых конфликтах» ИФ РАН - аспиранты ИМЭМО РАН и приглашенные эксперты (2009 г.).
- «Альтернативная глобализация» ИФ РАН - аспиранты ИМЭМО РАН и приглашенные эксперты (2010 г.).
- «Россия в миропроектах» ИФ РАН - аспиранты ИМЭМО РАН, ИНП РАН, ЦЭМИ РАН и приглашенные эксперты (2011 г.).

Презентация результатов учебных стратегических рефлексивных игр получила высокую оценку, внешних экспертов, включая экспертов Совета Федерации РФ (игра «Россия в мировых конфликтах»).[1] В этом году проведена игра «Россия в миропроектах»[2], презентация результатов была обсуждена в ряде государственных и общественных организаций. На основе разработанных технологий можно начать апробацию стратегических рефлексивных игр в реальных процессах стратегического проектирования и стратегического аудита, а также в работе различных типов стратегических ситуационных центров.

---

[1] *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2009. С.200-208. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf

[2] *Лепский В.Е., Савельев А.М., Хамдамов Т.В.* Организация саморазвивающейся инновационной среды в учебной стратегической рефлексивной игре «Россия в миропроектах» / Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. С. 229-237. http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf

ГРУППОВАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ: ПОНИМАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик

А.Л. Журавлев
Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, директор, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук

Т.А. Нестик
Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, старший научный сотрудник, кандидат философских наук

В настоящее время коллективная рефлексия, анализ опыта совместной деятельности и тому подобные феномены становятся одними из ключевых условий достижения высокой результативности работы команд и конкурентоспособности организаций. Особенно востребованной групповая рефлексия оказывается при проектной организации деятельности, при создании в компаниях систем управления знаниями, центров компетенций и сетевых групп с целью повышения качества управляемых процессов и снижения затрат. Большое значение при этом приобретает групповая рефлексивность, то есть способность группы анализировать эффективность своей деятельности, извлекая уроки из своего и чужого, индивидуального и коллективного опыта. Если индивидуальная рефлексивность давно изучается как у нас в стране, так и за рубежом, то групповая рефлексивность - значительно менее разработанный в психологии феномен.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить ключевые особенности групповой рефлексивности как социально-психологического феномена, проанализировать основные теоретические подходы к ее изучению и наметить наиболее перспективные направления ее исследования.

Понимание групповой рефлексивности как социально-психологического феномена

Под *групповой рефлексивностью* обычно понимается реализуемая направленность, ориентация группы на анализ своей деятельности, а также на изменение этой деятельности по итогам проведенного анализа. В отечественной социальной психологии рефлексивность как групповая характеристика была выделена в качестве одного из важнейших признаков группового субъекта, наряду с взаимосвязанностью членов группы и совместной активностью (Журавлев, 2000, 2009). За рубежом понятие групповой рефлексивности было введено в научное обращение М. Вестом, известным специалистом в области психологии малых групп. Он предложил понимать под ней «степень, в которой члены группы склонны к открытому обсуждению целей их совместной деятельности, используемых способов решения задач и групповых процессов, адаптируя их к ожидаемым изменениям внутренних и внешних условий» (West, 1996, p. 559).

Групповая рефлексивность включает в себя критическое осмысление результатов деятельности, поиск новых путей решения задачи, планирование и анализ совместных действий, приводящих к новому и более глубокому пониманию членами группы сложившейся ситуации (West, 1996, p. 560). Ее составляющими можно считать регулярность совместной оценки результатов деятельности и извлечения уроков, обсуждения целей деятельности и общих проблем, претворения в жизнь договоренностей, достигнутых во время анализа совместного опыта, запрашивания обратной связи по итогам совместной деятельности (Schippers et al., 2007). Высокорефлексивные группы характеризуются отчетливым пониманием последствий своих действий и высокой проактивностью. Напротив, низкорефлексивные группы «плывут по течению», стихийно реагируя на изменения с опозданием.

Содержанием *групповой саморефлексии* могут быть историко-биографический опыт жизни группы, ее притязания, цели и смысл существования, реальные формы совместной жизнедеятельности, потенциальные возможности и ресурсы группы, а также невозможное для группы (в силу объективных ограничений, необоснованности притязаний или внутригрупповых «табу») или упущенное, ошибочно реализованное ею (Журавлев, 2009).

На наш взгляд, по аналогии с индивидуальной (Карпов, 2004), рефлексивность групповую можно рассматривать, как 1) совокупность групповых процессов, обеспечивающих осмысление целей, способов и результатов совместной деятельности (*групповая рефлексия*), 2) стадия групповой динамики, определенное групповое состояние,

характеризующееся эмоциональной и когнитивной направленностью группы на осмысление самой себя и своей деятельности в той или иной ситуации (этап *коллективного осмысления*); 3) групповую компетенцию (собственно *групповая рефлексивность*), в которую входит способность группы к анализу своей деятельности, а также определенное отношение к самой рефлексии, в том числе готовность использовать ее результаты в дальнейшей совместной деятельности.

В качестве *основных условий рефлексии* выделяются, во-первых, «отстранение», «выход» субъекта из реальной ситуации, принятие точки зрения Другого, а во-вторых, ценностно-смысловая направленность на познание, личностная значимость ситуации. Рефлексия по своему существу критична, так как создает новые смыслы через «взламывание» сложившихся норм поведения и знания (Огурцов, 2001).

Наряду с указанными универсальными свойствами рефлексивных процессов, у групповой рефлексивности есть ряд *социально-психологических особенностей, несводимых к рефлексивности индивидуальной*. Во-первых, групповая рефлексия осуществляется через межличностное и внутригрупповое взаимодействие, в котором содержание сознания одних членов группы становится доступным для анализа через действия других. То есть в групповой рефлексии участники совместной деятельности оказываются по отношению друг к другу «зеркалами» и «символическими орудиями» самоанализа, выполняют роль «резонаторов», помогая друг другу увидеть себя с позиции своей роли в совместной деятельности. Иными словами, групповая рефлексия невозможна без динамичной ролевой структуры группы. Во-вторых, содержанием групповой рефлексии оказывается образ «Мы» и коллективная судьба, то есть те характеристики группы и события, которые значимы для всех или большинства членов группы в силу их взаимной зависимости в прошлом, настоящем и будущем. В-третьих, групповая рефлексия тесно связана с процессами социального влияния и лидерством, она несвободна от социально-психологических эффектов, проявляющихся при групповых обсуждениях и обмене знаниями: поляризации, сдвига к риску, эффекта «общего знания», различных групповых защитных механизмов (Нестик, 2009).

К *социально-психологическим функциям* групповой рефлексивности можно отнести адаптацию группы к изменениям, подготовку к разным формам совместной активности, формирование представлений о других группах и своем положении в системе социальных отношений, поддержание позитивной групповой идентичности и образа «Мы», освоение группой времени своего существования, то есть

формирование коллективной памяти группы и совместного видения будущего.

Основные подходы к изучению групповой рефлексивности в социальной и организационной психологии

В современной психологии феномен рефлексивности исследуется в основном на примере команд в организациях и описывается разными понятиями («коллективное понимание», «коллективное осмысление», «групповой разум», «трансакционная память»). Несмотря на очень короткую историю исследований, можно выделить несколько *основных подходов* к изучению групповой рефлексивности в социальной и организационной психологии.

Групповая рефлексивность как фактор эффективности совместной деятельности. Для исследователей данного направления характерна сосредоточенность на роли групповой рефлексивности в управлении инновациями, тогда как сама природа групповой рефлексивности и ее предпосылки практически не анализируются. Как показывают накопленные ими данные, групповая рефлексивность снижает эффект группового давления, делает группу более чувствительной к мнению меньшинства и повышает вероятность практического использования инновационных идей (De Dreu, 2002). С. Картер и М. Вест, изучая съемочные группы телевизионного новостного агентства BBC, пришли к выводу, что наряду с рефлексивностью, направленной на решение задачи, существует социальная рефлексивность группы, то есть склонность ее членов к анализу сложившихся между ними отношений. В своем исследовании они обнаружили положительную связь между рефлексивностью группы и показателями эффективности ее деятельности (зрительским рейтингом передач), участием членов группы в принятии решений, оценкой ясности групповых целей для ее членов, их общей удовлетворенностью своей работой в составе данной команды (Carter, West, 1998).

Исследования групповой рефлексивности, проводившиеся на протяжении последних десяти лет, свидетельствуют, например, о том, что ее влияние на соблюдение сроков и бюджета в проектах менее очевидно и может быть опосредовано уровнем профессиональных навыков и социальной компетентностью членов проектной команды (Hoegl, Parboteeah, 2006). Также противоречиво влияние рефлексивности на эффективность совместных действий, требующих высокой скорости и слаженности. Так, в одном из экспериментов, в котором имитировался разведывательный полет экипажа военных летчиков, было установлено, что групповая рефлексивность ослабляет влияние руководителя на принятие решений и снижает его активность,

подменяя четкие решения слишком расплывчатыми принципами и общими суждениями. При этом положительное влияние рефлексивности на эффективность решения командной задачи было выше в тех группах, в которых представления участников о ситуации и возможных стратегиях были более схожими (Gurtner et al., 2007). Результаты эмпирических исследований позволяют предположить, что зависимость эффективности деятельности от групповой рефлексивности носит нелинейный характер. Это вполне согласуется с аналогичными исследованиями роли индивидуальной рефлексивности в профессиональной деятельности, где была обнаружена S-образная зависимость (Филатова, 2003).

Групповая рефлексивность как способность группы к научению. В рамках данного направления основное внимание уделяется факторам, повышающим способность группы к рефлексии, при этом последняя понимается как научение. Теоретическим основанием этого направления исследований служит идея «двойной петли» научения К.Арджириса, а также представления Д. Колба о цикле научения в малых группах. Согласно К. Арджирису, помимо корректировки своих действий на основании заранее установленных стандартов («одинарная петля» научения), успешные команды и организации способны к переосмыслению и обновлению самих стандартов деятельности – «двойная петля», генеративное научение (Арджирис, 2004). В соответствии с концепцией цикла научения Д. Колба, такое обновление стандартов деятельности и формирование нового знания происходит посредством четырех, не только тесно связанных, но и переходящих друг в друга групповых процессов: экспериментирования, наблюдения и оценки результатов, систематизации и осмысления наблюдений, а также применения на практике выводов из проведенного анализа (Kolb, 1984).

Групповая рефлексивность как использование технологий анализа командного опыта. К традиции организационного научения примыкают работы, посвященные различным приемам и техникам анализа группового опыта и обмена знаниями (Коллисон, Парселл, 2006; Kerth, 2001; Larsen, 2006). Общим для них является положение о том, что рефлексия блокируется групповыми защитными механизмами и для ее реализации необходимы специально разработанные процедуры. Наиболее известными и апробированными являются технологии «ретроспективы проекта» и совещаний по анализу опыта (after action reviews, AAR), которые проводятся в таких разных организациях, как американский спецназ, энергетичекая компания Detroit Edison и IT-компания Oracle. Такие совещания могут длиться от 1 часа до 1,5 дней и, как правило, имеют сложную структуру,

включающую следующие вопросы: 1) какова была цель, 2) что было сделано, 3) что можно улучшить, 4) как нужно действовать в следующий раз. Для запуска процессов рефлексии применяются такие техники фасилитации, как «Линия времени», «Сейсмограмма эмоций», «Международное кафе» и др.

Групповая рефлексивность как накопленный метакогнитивный опыт. Данный подход к рефлексивности сформировался в рамках социо-когнитивного направления в организационной психологии. Совместная деятельность рассматривается здесь как процесс группового самопознания, в ходе которого участники формируют представления о том, кто они и в какой степени взаимосвязаны и дополняют друг друга. Результатом этого процесса являются такие феномены, как «трансакционная память», «коллективное знание», «групповые когниции» или «групповой разум» (Brandon, Hollingshead, 2004; Lewis et al., 2007; Palazzolo, 2011).

В рамках социо-когнитивного подхода наибольший интерес представляет концепция организационного смыслопорождения К. Вика (Weick, 1995). *Смыслопорождение* – это процесс, посредством которого работники организации конструируют образ «Мы» и ситуации, в которой они находятся, и действуют, опираясь на этот образ и воздействуя тем самым на ситуацию. Согласно К. Вику, смыслопорождение основано на конструировании групповой идентичности, носит ретроспективный характер, социально по своей природе, осуществляется непрерывно и стимулируется «несоответствиями», сбоями в сложившейся системе интерпретации мира: организационными проблемами (прежде всего несоответствием ожиданий и результатов совместной деятельности), конфликтами, двусмысленностью (возможностью взаимоисключающих объяснений) и неопределенностью (недостатком информации). Ключевая функция смыслопорождения в организации состоит в формировании идентичности: значение той или иной ситуации определяется тем, кем становятся сотрудники, пытаясь ее разрешить, или тем, что и кого они представляют. Смыслопорождение рефлексивно в том отношении, что опирается на совершенные людьми действия: мы не можем понять, о чем мы думаем, пока не услышим, что мы сказали (Weick, 1995). Именно приписывая определенные значения своим действиям, работники организации активно конструируют окружающий мир. Они пытаются обосновать свои действия задним числом, обсуждая их с коллегами до тех пор, пока не будет выработано коллективное представление о причинах и целях совместных действий. Развитие организации К. Вик связывает процессами, имеющими рефлексивную природу: извлечение уроков из последствий своих действий, выбор

варианта интерпретации событий с опорой на коллективную память и т.д. Накапливающиеся в ходе рефлексии альтернативные интерпретации обеспечивают то разнообразие смыслов, которое позволяет быстро адаптироваться к изменениям.

Концепция К. Вика ставит перед нами важный вопрос: является ли рефлексия кратковременным состоянием группы, целенаправленно вызываемым и полностью осознаваемым участниками? Обязательно ли групповая рефлексия является дискурсом? Может ли она иметь интуитивную, а не логическую форму? Может ли групповая рефлексия осуществляться как постоянный, спонтанный и мало осознаваемый участниками группы процесс? Групповой характер рефлексивных процессов позволяет предположить по крайней мере два варианта, при которых анализируемый феномен становится возможным.

Во-первых, групповая рефлексивность может «накапливаться» в межличностном общении, когда совместная деятельность обсуждается в диадах, лишь некоторыми из членов группы или не всеми одновременно. Протекая как межличностное взаимодействие, она может не терять группового характера, так как актуализирует групповую идентичность.

Во-вторых, групповая рефлексия может осуществляться с помощью альтернативной семиотической системы: через действия, а не речь. В самом деле, выражая свое отношение к происходящему в группе с помощью взгляда или определенного поступка, один участник группы может вызвать рефлексивные процессы у других. Более того, отстранение или принятие точки зрения Другого может осуществляться группой в форме совместного действия. Например, строители загородного дома во время перерыва молча обходят вокруг творения своих рук, не только проверяя положение строительных элементов, но и временно принимая точку зрения заказчика или стороннего наблюдателя и т.п.

Заключение: некоторые итоги и перспективы исследований групповой рефлексивности

Проведенный анализ, позволяет сделать следующие *выводы*:

- групповую рефлексивность целесообразно рассматривать как групповую компетенцию, в которую входит способность группы к анализу своей деятельности, а также определенное отношение к самой рефлексии, в том числе готовность использовать ее результаты в дальнейшей совместной деятельности;
- групповая рефлексивность характеризуется рядом социально-психологических особенностей, не сводимых к рефлексивности индивидуальной (особая коммуникативная и ролевая структура

рефлексивного процесса; направленность на формирование положительной групповой идентичности; связь с феноменами лидерства, социального влияния, групповыми защитными механизмами);

- к социально-психологическим функциям групповой рефлексивности относятся адаптация к изменениям, подготовка к разным формам совместной активности, формирование представлений о других группах и своем положении в системе социальных отношений, поддержание позитивной групповой идентичности и образа «Мы», формирование коллективной памяти и совместного видения будущего;
- в современной социальной психологии сложилось несколько основных подходов к изучению групповой рефлексивности: 1) исследование ее влияния на эффективность совместной деятельности; 2) изучение способности группы и организации к научению; 3) разработка приемов и техник анализа совместного опыта, повышающих групповую рефлексивность; 4) исследование накопленного коллективом метакогнитивного опыта.

В качестве *перспектив* дальнейшего изучения групповой рефлексивности, целесообразно выделить несколько ключевых вопросов.

Во-первых, неясно, в какой степени групповая рефлексивность зависит от индивидуальной рефлексивности членов группы и в особенности – рефлексивности лидера. Возможно ли формирование групповой рефлексивности как устойчивой групповой характеристики в тех группах, члены которых отличаются низкой рефлексивностью? Повышает ли работа в составе рефлексирующей группы уровень индивидуальной рефлексивности ее участников?

Во-вторых, чрезвычайно важным остается вопрос о существовании различных социально-психологических *типов групповой рефлексивности.* По-видимому, наряду с уже выделенными направлениями измерений групповой рефлексивности (задача / отношения, научение / обсуждение), следует учитывать и ее временную направленность. Можно предположить, что временная ориентация группы оказывает влияние на предмет ее рефлексии, то есть группы могут быть в разной степени склонны обсуждать свое прошлое, настоящее и будущее. По аналогии с индивидуальной управленческой рефлексивностью (Карпов, 2004), могут быть выделены ретроспективная и проспективная групповая рефлексивность, которая по-разному сказываются на результатах совместной деятельности в зависимости от *стадии развития команды*. Можно также предположить, что зрелая и эффективная группа способна гибко

смещать временную направленность своих обсуждений в зависимости от требований конкретной ситуации. Иными словами, одним из факторов эффективности совместной деятельности может выступать способность группы к временной децентрации, ее готовность анализировать происходящее с позиции как прошлого, так и будущего.

В-третьих, до сих пор недостаточно известно и о том, как влияют на групповую рефлексивность другие *групповые характеристики*, например: групповая идентичность, уровень группового доверия, используемый руководителем стиль лидерства, коммуникативная структура. Сама роль рефлексии в формировании групповой идентичности также недостаточно исследована. Столь же мало изучены и рефлексивные процессы в социальных сетях, отличающихся низкой сплоченностью.

В-четвертых, практически не изученным остается *влияние организационного контекста* на групповую рефлексивность: особенностей организационной культуры, системы оценки деятельности и стимулирования групповой работы, осведомленности членов группы о целях организации и т.п. Актуальным в этой связи является изучение роли групповой рефлексивности проектных и управленческих команд в условиях организационных изменений, а также ее роли во внутриорганизационном обмене знаниями.

Наконец, *в-пятых*, чрезвычайно перспективным следует признать изучение групповой рефлексии с позиции культурно-исторического подхода и теории символических ресурсов. Понимание того, как в групповую рефлексию вовлекаются различные *элементы культуры* (в том числе, литературные произведения, кинофильмы), может пролить свет не только на символическое конструирование образа «Мы», но и на механизмы формирования коллективной памяти.

Литература

1. *Арджирис К.* Организационное научение. М.: Инфра-М, 2004.
2. *Журавлев А.Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке/ Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой и В.Н. Дружинина. М.: Изд-во «Академический Проект», 2000. С. 133-150.
3. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72-80.
4. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
5. *Коллисон К., Парселл Дж.* Учитесь летать: Практические уроки по управлению знаниями от лучших научающихся организаций. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006.

6. *Нестик Т.А.* Психологические аспекты управления знаниями // Инновационное развитие: Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 590-611.
7. *Огурцов А.П.* Рефлексия // Новая философская энциклопедия. Т.3. М.: Мысль, 2001. С. 445-450.
8. *Филатова О.В.* Рефлексивность как детерминанта деятельности исполнительского типа: Автореф. дис ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003.
9. *Brandon D.P., Hollingshead A.B.* Transactive memory systems in organizations: Matching tasks, expertise, and people // Organization Science, 2004, 15(6), 633–644.
10. *Carter S., West M.A.* Reflexivity, effectiveness, and mental health in BBC-TV production teams // Small Group Research, 1998, 29. P. 583-601.
11. *De Dreu C.K.W.* Team innovation and team effectiveness: The importance of minority dissent and reflexivity // European Journal of Work and Organizational Psychology, 2002, 11 (3). P. 285–298.
12. *Gurtner A., Tschan F., Semmer N.K., Nagele Chr*. Getting groups to develop good strategies: Effects of reflexivity interventions on team process, team performance, and shared mental models // Organizational Behavior & Human Decision Processes, 2007, Vol. 102, n. 2. P. 127-142.
13. *Hoegl M., Parboteeah K.P.* Team reflexivity in innovative projects // R&D Management, 2006, Vol. 36, n. 2. P. 113-125.
14. *Kerth N.L.* Project Retrospectives: A Handbook for Team Reviews. N.Y.: Dorset House Publishing, 2001.
15. *Kolb D.* Experimental learning. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1984.
16. *Larsen D.* Agile Retrospectives: Making Good Teams Great. N.Y.: Pragmatic Bookshelf, 2006.
17. *Lewis K., Belliveau M., Herndon B., Keller J.* Group cognition, membership change, and performance: Investigating the benefits and detriments of collective knowledge // Organizational Behavior and Human Decision Processes, 2007, 103(2), 159–178.
18. *Palazzolo E.T.* Transactive Memory and Organizational Knowledge // Communication and organizational knowledge : Contemporary issues for theory and practice / Ed. by H.E. Canary and R.D. McPhee. N.Y.: Routledge, 2011. P. 113-132.
19. *Schippers M.C., Den Hartog D.N., Koopman P.L.* Reflexivity in Teams: A Measure and Correlates // Applied Psychology: An International Review, 2007, Vol. 56, n. 2. P. 189-211.
20. *Weick K.E.* Sensemaking in Organizations. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1995.
21. *West M.A.* Reflexivity and work group effectiveness: A conceptual integration // Handbook of work group psychology/ Ed. by M.A.West. Chichester, UK: Wiley, 1996. P. 555-579.

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА В ПРОЦЕССЕ РЕФЛЕКСИИ

В. К. Солондаев

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, кандидат психологических наук

Постановка проблемы дестабилизации рефлексирующего субъекта определяется диагнозом бессубъектности отечественного развития. Одним из основных симптомов бессубъектности является блокировка рефлексии[1]. Возникает искушение рекомендовать для лечения болезни бессубъектности рефлексивную терапию, если не как патогенетическую, то хотя бы как симптоматическую. Однако в медицине давно выработано понятие порочного круга — взаимосвязи патологических изменений, когда нарушения, возникающие вследствие первичных изменений, в свою очередь, их усугубляют. В порочном круге не действует линейная логика: причина — болезнь — устранение причины — излечение. В этой связи правомерно задаться вопросом о возможном наличии противопоказаний и побочных эффектов рефлексивной терапии бессубъектности.

Принцип детерминизма требует объяснения очевидного факта — рефлексия нуждается в создании определенных условий. Следовательно, рефлексия может иметь и негативные последствия, иначе рефлексивная самоорганизация субъектов российского развития давно произошла бы спонтанно. Продолжая медицинскую аналогию, необходимо подчеркнуть, что наличие противопоказаний и побочных эффектов является свидетельством действенности лекарства, а их исследование не опровергает, а увеличивает возможности использования лекарства в лечебных целях.

Проблематика рефлексии и субъекта сохраняет актуальность в течение тысячелетий. Многозначность соответствующих понятий общеизвестна. Поэтому с нашей стороны было бы самонадеянностью

[1] *Лепский В. Е.* Проблемы субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. No 2, том 6, 2006. С. 5–20.

рассчитывать на нечто большее, чем первичную постановку проблемы и аргументацию возможности ее решения.

Описывая негативные эффекты рефлексии, мы не сможем опираться на эмпирическую базу, прямо относящуюся к поставленной проблеме. По этическим причинам экспериментальные исследования по схеме критического эксперимента для нас неприемлемы. В медицине сложности такого рода преодолеваются использованием экспериментальных планов ex-post-facto. По аналогии, мы будем интерпретировать имеющиеся эмпирические данные в контексте поставленной проблемы.

Во-первых, А.В. Карповым[1] зафиксировано существование оптимума *рефлексивности* как устойчивого свойства субъекта. Автором описана зависимость типа «плоского оптимума», которая характеризуется тем, что при увеличении рефлексивности возрастает и интегрированность, и дифференцированность системы метапроцессов. Но при высоких и очень высоких значениях рефлексии явно доминирует ее дифференцирующая функция. Для нас важно, что Карпов противопоставляет интегрированность и дифференцированность, поскольку в исследовании В.Е. Орла[2], посвященном вопросам психического выгорания, как противоположность интегрированности описывается уже не дифференцированность, а дезинтегрированность структуры психических процессов, возрастающая при повышении уровня выгорания. Одновременно с дезинтеграцией, как указывает Орел, происходит функциональная деформация когнитивной сферы личности, этот процесс характеризуется гетерохронностью и имеет нелинейную динамику. У людей с различной степенью выраженности выгорания процессы, прямо связанные с рефлексией, по-разному включены в общую структуру психики, что подтверждает возможность негативных последствий рефлексии.

Во-вторых, рефлексия как процесс требует рассмотрения на уровне субъекта как человека на высшем (индивидуально для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности, который развивается всю жизнь, причем на каждом качественно новом этапе его развития видоизменяется вся основная система психических процессов и свойств[3]. Исследования А.Л. Журавлева[4] обосновывают возможность рассмотрения групп людей как целостного (группового) субъекта,

---

[1] *Карпов А.В.* Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011. - 1088 с.
[2] *Орел В.Е.* Синдром психического выгорания личности - М.: ИП РАН, 2005 - 329 с.
[3] *Брушлинский А.В.* Психология субъекта - М.: ИП РАН; Спб.: Алетейя, 2003 г. - 272 с.
[4] *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности.— М.: ИП РАН, 2005.— 640 с.

характеризующегося закономерной динамикой возникновения и развития. В.В. Селиванов[1] описывает сложную динамику взаимосвязи мышления и личности в онтогенезе. Эти работы, несомненно, требующие гораздо более развернутого анализа, чем позволяют рамки статьи, указывают на то, что рефлексия, оказывает разное влияние в зависимости от этапа и уровня развития рефлексирующего субъекта. Это находит независимое подтверждение в исследованиях И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова[2], посвященных изменению ценностно-смысловых образований рефлексирующего субъекта.

В дефектологии традиционно анализируется развитие субъекта, находящегося на нижней границе условного континуума субъектности. У такого субъекта дестабилизирующий эффект рефлексии эмпирически не выделяется, напротив, позитивным оказывается любое продвижение, любая попытка рефлексии, которая, к сожалению, чаще всего остается на очень невысоком уровне, что описано Е.Л. Гончарова, О.И. Кукушкиной, Т.К. Королевской[3]. Как и в дефектологии, в психиатрии мы находим эмпирические подтверждения позитивного эффекта рефлексии[4], но это отнюдь не рефлексия субъекта высокого уровня развития.

Для нас важно, что развитие предполагает не только динамику, но и стабильность. Этот момент акцентируется Ж. Пиаже[5] на примере динамического равновесия ассимиляции и аккомодации, равновесие которых обеспечивает адаптивное функционирование субъекта в изменяющемся мире. Исходная форма рефлексии по Пиаже - осознание своих действий в материальном плане, кооперация как объективно ведущаяся дискуссия. Собственно рефлексивная мысль (стадия формальных операций) суть рефлексия третьего уровня, где происходит осознание логических операций, произведенных над собственными действиями. Ниже мы рассмотрим устойчивость границ субъекта на примере этого уровня рефлексии.

Наконец третье направление исследований, содержащих интересующие нас данные, мы находим в психоанализе. Здесь особый

---

[1] *Селиванов В.В.* Мышление в личностном развитии субъекта - Смоленск: Универсум, 2003 - 311 с.

[2] Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвитии личности // Вопросы психологии, 1983, №2 С.35 – 46.

[3] Гончарова Е.Л., Кукушкина О.И., Королевская Т.К. «Календарь» – специализированная компьютерная коррекционно-диагностическая среда для дошкольников и младших школьников // Дефектология. – 1997. - № 4. с. 48-55.

[4] Иржевская В.П., Рупчев Г.Е., Морозова М.А., Тхостов А.Ш. Предметно-исторический анализ категории «осознание психической болезни» (инсайт) в психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2008. — Том 108, № 4 . — С. 4-11.

[5] Пиаже Ж. Психология интеллекта - М.: Питер , 2003 - 191 с.

интерес для нас представляют идея границ субъекта, разрабатываемая А.Ш. Тхостовым и сотрудниками[1], и глубокая эмпирическая разработка динамики развития субъекта, предлагаемая психоаналитическими исследованиями. «Нормальный» субъект рассматривает другого человека именно как другого «субъекта», который отличен по природе, равен по различным качествам и дополнителен при взаимообмене, считает Ж. Бержере[2], следовательно, субъект в психоаналитическом понимании также способен к рефлексии, как субъект в понимании С.Л. Рубинштейна[3] и его последователей. Но в своих технических аспектах психоанализ является одной из наиболее детальных и эмпирически обоснованных интерпретаций *процесса* рефлексии. Экономический и динамический аспекты метапсихологии психоанализа строятся на интерпретации эмпирических данных о возможных вариантах развития именно процесса рефлексии. Конечно в психоанализе речь идет о рефлексии пациента в ходе лечения, но акцентированное отсутствие структурных границ между нормой и патологией психики, позволяет вывести психоаналитическую рефлексию за границы клиники, хотя бы это была и не психиатрическая клиника, а лишь клиника неврозов.

В дальнейшем при анализе рефлексии как процесса для характеристики рефлексирующего субъекта нам понадобится понятие идентичности, или переживания «я». Идентичность для психоаналитиков связана с экономическими феноменами: равновесие нарциссических и эротических загрузок, гармоничная игра достаточно смешанных влечений. Широко известные благодаря психоанализу феномены психологической защиты в целом направлены именно на восстановление идентичности, пусть даже парциальной или нереальной при глубоком психическом расстройстве. Отмечается[4], что на самом деле существует не одна, а множество идентификаций, которые восходят к более или менее сложной идентичности Я и личности. Эта идентичность создается динамически, она не является окончательно заданным и устойчивым психическим феноменом. Именно поэтому рефлексия в ходе анализа так сложна. Для того чтобы поддерживать собственную идентичность, субъект (пациент) использует болезненные симптомы, преодоление которых требует новой идентичности. Переход к новой идентичности возможен лишь в том случае, если субъект

---

[1] Журавлев И.В., Тхостов А.Ш. Субъективность как граница: топологическая и генетическая модели // Психологический журнал. — 2003. — № 3 . — С. 5-12.

[2] Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника — М: МГУ, 2001.— 400 с.

[3] Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М.: АН СССР, 1957. — 328 с.

[4] Бержере Ж. Указ. соч

располагает некоторым запасом психических ресурсов, что обсуждается в экономическом аспекте метапсихологии психоанализа.

Формализованная теория рефлексии, разрабатываемая В.А. Лефевром[1], в целом вполне конкордантна психоаналитическому подходу. Так Ж. Бержере[2] пишет: «...Одна часть внешней реальности, переживаемая как позитивная и внушающая доверие, правильно воспринимается Я, но другая часть реальности, рассматриваемая как стесняющая, фрустрирующая, беспокоящая или опасная, оказывается либо деформированной в смысле большей безопасности, либо в большей или меньшей степени игнорированной». По существу речь идет о несовпадении представлений двух субъектов — пациента и аналитика, оказывающего воздействие на сознание и бессознательное пациента. Аналогичные феномены формализуются в теории Лефевра, описывающей ситуацию, в которой у разных субъектов, составляющих одну группу, могут быть различия в восприятии состава группы и отношений между членами группы. Также в рефлексивной алгебре вводится и формализуется ситуация, в которой осознаваемые и неосознаваемые воздействия другого субъекта приводит к угрозе идентичности. Такие воздействия неизбежно вызывают фрустрацию у субъекта, на которого оказывается воздействие[3]. Интересен сам факт использования Лефевром понятия подсознания (бессознательного или неосознаваемого), хотя он намеренно отказывается от обсуждения вопроса, как происходит процесс самоотождествления.

Но теория Лефевра конкордантна не только психоанализу. Аналогично дифференциации переживания и знания, вводимой С.Л. Рубинштейном[4], Лефевр вводит формальное различение понятий «знает» и «осознает». Отношение «осознает» складывается из двух последовательных отношений «знает», а сущность осознания состоит в том, что предшествующее состояние субъекта начинает играть роль модели себя в новом состоянии[5].

Анализ литературных данных в целом подтверждает возможность сопоставления весьма разноплановых интерпретаций рефлексии и указывает на возможность существования побочных эффектов рефлексивной терапии бессубъектности. Но процессуальный механизм дестабилизации субъекта в процессе рефлексии явным образом не описывался. Ввиду обозначенных выше этических ограничений возможности эмпирического исследования подобного рода явлений нам

[1] Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр.— М.: «Когито-Центр», 2009.— 218 с.
[2] Бержере Ж. Указ. соч. С. 244.
[3] Лефевр В.А. Указ. соч. С. 65-66.
[4] Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 267.
[5] Лефевр В.А. Указ. соч. С. 205-206.

потребуется формальная модель рефлексивного субъекта, схематически изображенная на рисунке 1. Здесь необходимо сделать несколько пояснений.

Во-первых, используемая далее модель в целом соответствует модели Лефевра, во всяком случае никоим образом не противоречит базовой аксиоматике теории рефлексивных игр.

Во-вторых, в сложной диалектике процессуальных и результативных аспектов рефлексии теория Лефевра, на наш взгляд, акцентирует именно результативные аспекты, а предлагаемая нами модель направлена на понимание именно процессуальных аспектов, связанных с процессом самоотождествления.

Поэтому, в-третьих, предлагаемая модель не должна рассматриваться как дополнение или критика теории рефлексивных игр, в отличие, например, от проблемы событийной транскрипции и производных от нее форм рефлексии, рассматриваемых В.А. Петровским[1]. Данная модель вводится «ad hoc» для понимания процессуальных аспектов дестабилизации рефлексирующего субъекта .

Рассмотрим рефлексию, по Ж. Пиаже соответствующую минимальному для рефлексии в собственном значении понятия - третьему уровню, который возникает в результате кооперации в ходе предметной деятельности рефлексирующего субъекта S_1. Пусть наш субъект, в соответствии с моделями В. А. Лефевра, имеет образ ситуации S'_1, и образ себя, имеющего образ ситуации S''_1. Введем в модель наблюдающего процесс рефлексии субъекта S_n. Для упрощения модели исключим из рассмотрения предметные («реальные») взаимоотношения субъектов, включенных в предметную деятельность, и исключим из рассмотрения рефлексию этих отношений.

Далее покажем, что рефлексия создает угрозу идентичности рефлексирующего субъекта, приводя к его существенной дестабилизации, независимо от наличия когнитивных ресурсов для обработки информации при рефлексии высокого порядка.

Введем сравнительные отношения объема, обозначаемые традиционно используемыми символами больше и меньше. Правомерно допущение о том, что рефлексирующий субъект S_1, реально существующий и реально включенный в предметную деятельность, реально обладает большим объемом психических явлений (осознаваемых и неосознаваемых), чем образ ситуации, сложившийся у субъекта. Это следует, например, из положения о несводимости психики к сознанию. Как указывает С. Л. Рубинштейн[2]:

---

[1] Петровский В.А. Опыт событийной транскрипции рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. N 1, том 1, 2001. С. 61–70.

[2] Рубинштейн С. Л. Указ. соч. С. 267.

«Возникновение сознания связано с выделением из жизни и непосредственного переживания рефлексии на окружающий мир и на самого себя. Сознание — это всегда знание о чем-то, что вне его. Оно предполагает отношение субъекта к объективной реальности». В образ ситуации S'_1 , тем более в образ себя, обладающего образом ситуации S''_1, входит меньшее психическое содержание, чем в целостного субъекта. Следовательно, справедливо двойное неравенство $S_1 > S'_1 > S''_1$. Но это неравенство всегда справедливо лишь с точки зрения наблюдателя, что будет показано ниже.

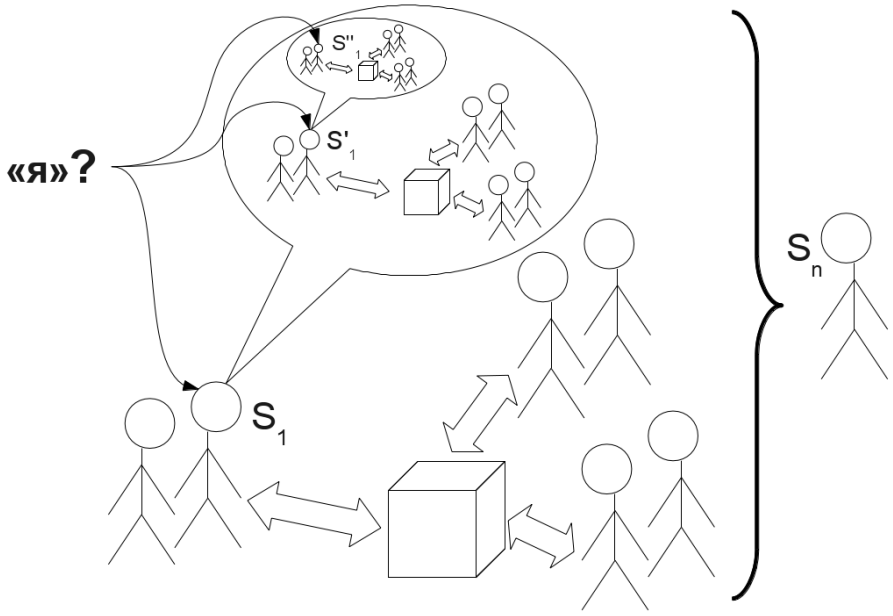

Рис.1. Идентичность субъекта, наблюдающего процесс рефлексии и нарушение идентичности рефлексирующего субъекта

Далее нам потребуется различение позиций двух субъектов — наблюдающего S_n и собственно рефлексирующего S_1. Дифференциация позволит нам понять процессуальную динамику дестабилизации рефлексирующего субъекта. Различие рефлексирующего субъекта и наблюдателя не противоречит теории рефлексивных игр, однако нам не удалось найти прямое обсуждение этого вопроса. Различие рефлексирующего и наблюдающего субъектов становится существенным когда мы вводим в схему идентичность субъекта (далее обозначается «я») или самоотождествление в терминологии Лефевра. Отношение идентичности субъекта будет обозначаться знаком равенства.

Для внешнего наблюдателя «я» = S_n и справедливо следующее: $S_1 = S_1$; $S'_1 = S'_1$; $S''_1 = S''_1$. Следовательно, внешний наблюдатель может

описывать рефлексирующего субъекта на всех уровнях рефлексии с наперед заданной точностью. Именно такой подход убедительно демонстрирует свою эффективность в теории рефлексивных игр. Высокая точность описания ограничена результативным аспектом рефлексии.

Для самого рефлексирующего субъекта с введением идентичности все становится гораздо сложнее. Здесь для целей нашего анализа несущественно, в каком порядке субъект идентифицирует «я» с разными уровнями собственной рефлексии. Без идентичности субъекта рефлексия неосуществима как психический процесс. Следовательно, «я» рефлексирующего субъекта должно в некоторой степени идентифицироваться с содержанием всех уровней рефлексии. Тогда мы получаем побочный эффект рефлексии - нарушение идентичности. Покажем это на предлагаемой модели.

Рассмотрим предлагаемую модель процесса рефлексии с учетом того, что идентичность субъекта смещает отношения объема, поскольку очевидно, что «я» субъекта всегда больше того, что субъект о себе знает и осознает. Получаем следующие неравенства.

Из идентификации «я» = S_1 следует отношение $S_1 > S'_1 > S''_1$. Из идентификации «я» = S'_1 следует $S'_1 > S_1$ и $S'_1 > S''_1$, но соотношение S'_1 и S''_1 не определено. Из идентификации «я» = S''_1 следует $S''_1 > S'_1 > S_1$.

Из того, что рефлексия имеет место, мы уже знаем, что субъект в определенной мере идентифицируется одновременно с тем, что он есть (1 уровень), что он знает (2 уровень), что он осознает (3 уровень). Это следует, в том числе, из формализации отношений «знает» и «осознает» в теории рефлексивных игр, которое обсуждалось выше. При «я» = S_n этот момент не влияет на психическое содержание, которое переживается, знаемо и осознаваемо другим субъектом. Но для рефлексирующего субъекта идентичность имеет совершенно другое значение. Само существование рефлексии означает, что одновременно выполняются три идентификации: «я» = S_1; «я» = S'_1 , «я» = S''_1 . В общем случае последовательность идентификаций субъекта, гипотетически, может иметь большое значение, но пока мы не будем рассматривать этот момент.

Из того, что «я» = S_1; «я» = S'_1 , «я» = S''_1 следует необходимость рассмотреть как систему следующие четыре неравенства: $S_1 > S'_1$; $S'_1 > S_1$; $S'_1 > S''_1$; $S''_1 > S'_1$.

При попытке решения системы неравенств, мы приходим к тому, что $S_1 \neq S_1$; $S'_1 \neq S'_1$; $S''_1 \neq S''_1$. Это эквивалентно утверждениям: «рефлексия нарушает границы субъекта», или «рефлексия нарушает идентичность рефлексирующего субъекта».

Рефлексия как процесс находится на определенном уровне психики, но по результатам, как отмечает А.В. Карпов, рефлексия также означает выход за этот уровень[1]. В нашей модели это формализуется следующим образом: $S_1 = S_x$; $S'_1 = S_x$; $S''_1 = S_x$. Иными словами, в процессе рефлексии не только происходит нарушение идентичности, но может (всего лишь может) возникнуть новая идентичность субъекта, которую мы обозначаем S_x.

Рассмотрим возможные интерпретации результатов, полученных с использованием формальной модели процесса рефлексии. Предлагаемая модель позволяет продемонстрировать основания, по которым психоанализ, проводимый без участия аналитика (внешнего наблюдателя) представляет значительную угрозу психическому состоянию субъекта. Яркое художественное описание нарушения идентичности и дестабилизации психики в ходе самоанализа дано М.М. Зощенко[2] на автобиографическом материале.

Предложенная схема также позволяет объяснить успешную работу В.Е. Лепского[3] по философской подготовке аспирантов на основе проектно-игрового подхода. Наше объяснение является дополнительным по отношению к экономическому аспекта метапсихологии психоанализа, согласно которой каждый психический процесс рассматривается в отношении трех координат: динамической, топологической и экономической[4]. Возникновение нового *продуктивного* психического содержания (в предлагаемой модели идентичность S_x) может стать наиболее существенным результатом рефлексии. Не случайно исследователи отмечают косвенный психотерапевтический эффект рефлексии[5]. В психоанализе подобные явления обозначаются как терапевтический инсайт. Уместно вспомнить, что еще З. Фрейд[6] прямо указывал: задача аналитика вовсе не заключается в том, чтобы соизмерять анализ и синтез, при «хорошем» анализе синтез происходит автоматически и неизбежно.

Однако предлагаемая модель показывает, что появление нового *продуктивного* психического содержания, в отличие от нарушения идентичности, не является обязательным результатом рефлексии. Нарушение идентичности рефлексирующего субъекта приводит к

---

[1] Карпов А.В. Указ. соч. С. 493.

[2] Зощенко М. М. Перед восходом солнца - Москва: Время, 2008 - 782 с.

[3] Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

[4] Бержере Ж. Указ. соч. С. 68.

[5] Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивно-психологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М.: РАГС, 1998. - 250 с.

[6] Freud S. Wege der psychoanalytischen Therapie // Psychoanalyse: Ausgewalte Schriften — Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun. - S. 110.

необходимости построения новой идентичности S_x , однако это может быть и патологически нарушенная идентичность. S_x отнюдь не предопределена, что соответствует данным о безуспешных (по собственным оценкам авторов) опытах применения рефлексивных технологий развития и данным о разнообразных затруднениях, возникающих в ходе рефлексии[1], в том числе невербальной[2]. Аспирантам, описываемым В.Е. Лепским, в силу не слишком высокой эмоциональной загруженности рефлексируемого содержания хватило психических ресурсов для преодоления продуктивного нарушения идентичности и построения новой, более продуктивной в интересующем их отношении идентичности. А у старших школьников, судя по результатам, описанным авторским коллективом под руководством Ю.В. Громыко[3], не оказалось в распоряжении необходимого ресурса, что предопределило неудачу содержательно интересных и адекватных для внешнего наблюдателя программ развития рефлексии.

Субъект может восстановить свою идентичность, просто прервав рефлексию. Тогда S_n (наблюдатель или психоаналитик) может спокойно констатировать, что нового психического содержания не появилось, терапевтического инсайта не произошло. Это никоим образом не помешает осуществить в ходе рефлексивного управления точно рассчитанное воздействие на субъекта.

Наиболее существенный риск использования рефлексивных технологий заключается в том, что предметное содержание рефлексии чаще всего проектируется и анализируется с позиции внешнего наблюдателя. Но адекватность модели, существующей у внешнего наблюдателя ограничена устойчивостью идентичности и креативностью рефлексирующего субъекта. Возможно, в этом отношении окажется существенной и последовательность идентификаций субъекта. Важную роль играют также ограничения, заданные сложностью предметного содержания рефлексии. Поэтому при стечении неблагоприятных обстоятельств мы можем вполне закономерно, но крайне неожиданно для себя получить патологические феномены вместо саморазвития. Для нарушения своих границ и последующей повторной их демаркации (сборка субъекта в терминах

---

[1] Лосев А. В. Формирование рефлексивности социально-профессионального мышления менеджеров быстроразвивающихся организаций: дис. ... канд. психол. наук — М., 1997 - 189 с.

[2] Кузнецов С. В. Формирование рефлексивных приемов саморегуляции практического мышления кадров государственной службы: дис. ... канд. психол. наук — М., 1995 - 230 с.

[3] Разработка нового содержания образования и развитие интеллектуальных способностей старших школьников. Формирование научности XXI века в образовании. Пособие для учителя. – М.: Пушкинский институт, 2001. – 332 с.

В.Е. Лепского[1]), *самому субъекту* необходимо располагать достаточным запасом психических ресурсов. При отсутствии такого запаса у субъекта «не хватает сил» и рефлексия приводит к внезапному ухудшению исходного психологического состояния. Не случайно психические расстройства интерпретируются в психоанализе как нарушение границ субъекта, а процесс рефлексии происходит в предсказуемой и безопасной обстановке терапевтического сеттинга.

Однако субъект рефлексии мыслится нами не только и не столько как клиент любого рода терапии, сколько как субъект саморазвития, субъект решения проблем, в особенности комплексных проблем[2] или проблем в больших системах[3]. Возможно, у субъекта есть некоторые психические ресурсы для рефлексии, но нет уверенности, что имеющихся в данный момент ресурсов достаточно для успешного решения актуальных проблем. Например субъект может не найти «быстрого» решения сложной проблемы, а в процессе «медленного» решения ресурсы истощатся до достижения результата. Существуют ли для рефлексии комплексных проблем иные варианты действий, кроме «достойного проигрыша»?

На наш взгляд, наиболее перспективным направлением поиска ответа на этот вопрос является предварительное создание своего рода «ресурса идентичности» или «запаса идентичности» для рефлексирующего субъекта, позволяющего субъекту поддерживать процесс рефлексии до нахождения решения проблемы. Психоаналитические исследования структурно-типологического направления[4] содержат достаточные основания для оптимистичной оценки возможности создания устойчивой идентичности и создании условий продуктивной рефлексии, направленной на решение сложных проблем.

В контексте темы статьи особо подчеркнем, что предлагаемая модель позволяет предположить существование специфического риска, который лишь частично выводим из имеющихся данных — риска

---

[1] Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010. – 271 с.

[2] Дернер Д. Логика неудачи — М.: Смысл, 1997.— 243 с. ; Корнилов Ю.К. Психология практического мышления. Монография. — Ярославль: ДИА – Пресс, 2000. — 212 с. ; Практический интеллект / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.

[3] Завалишина Д.Н. Психологический анализ оперативного мышления. — М.: Наука, 1985. — 222 с. ; Пушкин В.Н. Построение ситуативных концептов в структуре мыслительной деятельности // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. — М.: Педагогика, 1978. — С. 106-120.

[4] Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. — М.: Класс, 2001. — 480 с.

разрушения идентичности рефлексирующего субъекта *внутри* каждого уровня рефлексии. Сами уровни в процессе рефлексии тоже разрушаются. Оценка объяснительного потенциала данной закономерности, выведенной теоретически, требует дополнительного изучения эмпирических материалов и выходит за рамки данной работы.

Возвращаясь к медицинской метафоре, заданной в начале статьи, можно сказать, что проведенный анализ возможных побочных эффектов рефлексивной терапии болезни бессубъектности позволяет считать рефлексию весьма действенным лекарством, которое имеет ряд побочных эффектов.

Во-первых, рефлексия как процесс существенно отличается с точки зрения внешнего наблюдателя и с точки зрения рефлексирующего субъекта.

Во-вторых, процесс рефлексии существенно нарушает идентичность (целостность) рефлексирующего субъекта, а в отношении результата имеет место неустранимая неопределенность. В результате рефлексии может возникнуть как более продуктивная, так и менее продуктивная идентичность.

В-третьих, эффективность воздействия внешнего наблюдателя в основном определяется точностью оценки результативных аспектов рефлексии. Эффективность внешнего воздействия не зависит от продуктивности рефлексии в плане развития самого рефлексирующего субъекта.

В-четвертых, продуктивности рефлексии в плане саморазвития субъекта парадоксально способствует исходно высокая степень нарушения идентичности субъекта Патологическому субъекту «нечего терять и нечего бояться — хуже не будет».

В-пятых, продуктивности рефлексии в плане саморазвития субъекта парадоксально препятствует исходно высокая стабильность идентичности субъекта. Стабильно устойчивому субъекту необходимы весьма сильные основания, чтобы самому дестабилизировать свое состояние при неопределенности конечного результата процесса рефлексии.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИИ

В.Г. Аникина

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, доцент, кандидат психологических наук, докторант

В статье осуществляется попытка описания феноменологии рефлексии, взятой в культурно-историческом ракурсе. Для реализации поставленной цели автор обращается к анализу философии, науки, искусства, личности как явлений культуры, имеющих рефлексивную природу. Результаты анализа позволили осуществить первичные обобщения и описать характеристики рефлексии, дать определение данному феномену, выделить направления исследования рефлексии в рамках культурно-исторической психологии.

В рамках проводимых нами исследований - разработки проблемы рефлексии в культурно-исторической психологии - обращение к феноменологии рефлексии является одним из необходимых этапов [1]. Поэтому целью данной статьи стало осуществление анализа и обобщения феноменологических проявлений рефлексии взятых в культурно-историческом ракурсе рассмотрения. Реализация поставленной цели позволит нам выделить и описать характеристики рефлексии, определить «масштаб» её феноменологии в культуре, очертить направления изучения этого явления в рамках культурно-исторической психологии.

Так как наше методологическое движение начинается с «поиска» рефлексии в культуре, то мы должны априорно предположить, что рефлексия существует и, возможно, представлена в культурных феноменах. «Поиск» рефлексии мы будем осуществлять опираясь не только на собственные исследования, но и на широкий спектр работ современных учёных, работающих в рамках данной проблематики.

Рефлексия как основание философского знания и свойство науки

В работах Г.П. Щедровицкого [19], В.М. Розина [14,15], В.А. Бажанова [3,4], В.А. Лекторского [11], Э.Г. Юдина [20] отмечалось, что формирование представления о рефлексии невозможно без понимания того как существует само философское и научное знание.

Щедровицкий Г.П., разрабатывая тему рефлексии, призывал подойти к этому процессу с позиций культурно-исторического подхода, то есть как *к культурному смыслу и значению, которые определяются социальными отношениями*. Учёный считал, что показателем включённости *рефлексии* в контекст развития культуры *в форме философского знания* является *смена представлений о рефлексии на протяжении многовековой истории философии.* Щедровицкий писал: «…рассматривая широкую культурную традицию, связанную с обсуждением рефлексии, мы должны, прежде всего, разделить на два периода, на две части – одна будет связана с переходом античности и средневековья, и будет идти примерно до XVI столетия – именно в этот период сформировался первый круг проблем, связанных с рефлексией и, по сути дела, ими был определён смысл слова «рефлексия» - вторая часть, относящаяся к периоду после XVI столетия, когда в работах Локка, Лейбница, затем Канта и Фихте сложилось второе понимание рефлексии и соответственно второй смысл этого слова» [19, С. 14]. В этом контексте, первый смысл понятия рефлексия связывается со способностью Ума (Логоса) познавать и самопознавать себя, а второй со способностью сознания человека осознавать самого себя и свои мысли. Появление этих представлений о рефлексии были связаны с решением ряда проблем, которые и создавали некие контексты её понимания. Щедровицкий выделял следующие:

- Проблема идеи об идеях, знания об идеях, то есть проблема познания не в контексте взаимодействия субъекта с объектом. Непонятным являлся способ, механизм «познавательного отношения».
- Проблема понимания источников и причин наших заблуждений.
- Проблема формирования объекта и объективности.
- Проблема возможности смены позиции и соединении в одном рассуждении двух позиций и двух точек зрения.
- Проблема методологического и логического основания рассуждения.

Поиск ответов на эти проблемы создал условия для решения наиболее общей из них - проблема разделения единого плана сознания на объективный и субъективный. Исходным пунктом для её решения стало, как считал Щедровицкий, появление в философии после XVI столетия представлений об индивиде. Выделение двух способностей: видеть и понимать предметы окружающего мира, с одной стороны, а с другой, мыслить и осознавать себя мыслящим и воспринимающим – явилось основой для выделения факта рефлексии «…сознание двойственности подобной работы выступило как факт, свидетельствующий о существовании рефлексии [19, С. 25]. Развивая

эту мысль, учёный отмечал, что такое представление о рефлексии затем дифференцировалось на две линии её изучения – философскую, в рамках которой собственно и решалась проблема субъективного и объективного плана сознания, и психологическую – в рамках которой решался вопрос о механизме рефлексивной работы «или, же способностей выполнять эту работу».

По иному, в отличие от Щедровицкого, рассматривает рефлексию в культурно-историческом ракурсе В.М. Розин [15]. Философ, осуществляя анализ основных этапов развития представлений о рефлексии в истории отмечает, что рефлексивные рассуждения понадобились Аристотелю «для самообоснования философского мышления, так сказать, замыкания его». Органон знания у Аристотеля предполагает выделение иерархии начал, которые задают данный род бытия, и венчает всю эту иерархию первая философия. Как отмечает Розин вопрос о том, *как возможно познание первоначал* для Аристотеля был самым трудным. И тогда античный философ решается самообосновать первые начала, придав им форму бытия – Божественный разум, божество, которое созерцает самого себя. «Разум мыслит самого себя, раз мы в нём имеем наилучшее, и мысль его есть мышление о мышлении» - отмечает Розин [15, С.211] и затем делает вывод: «Рефлексивный ход понадобился Аристотелю, когда он построил замкнутый универсум, «единое, Божественный разум», и вынужден был объяснить, как в нём могли иметь место все другие начала» [15, С. 418]. В этом смысле, рефлексирует не человек – он не замкнутый универсум, а Божественный разум.

Работа Розина является примером культурно-исторического понимания рефлексии для решения проблемы обоснования философского знания. Хотелось бы отметить, что такой ракурс изучения рефлексии отличается от её рассмотрения как проблемы философского размышления. У Розина рефлексия представлена как *условие существования философского знания*, которое есть замыкание универсума – философии на самой себе. Множественность философий – это множественность миров. В философии воплощена идея рефлексии, как основания для осознания своего способа существования, своего бытия.

В этом смысле Розин близок к идеям И. Канта, который отмечал центральную роль трансцендентальной рефлексии в возникновении философии. Кант считал [9], что рефлексия, выявляя условие взаимодействия чувственности и рассудка, полагает трансцендентальный объект, который даёт возможным учение о трансцендентальных идеях, что в свою очередь являются предметом философии. Рассматривая рефлексию как источник философского

знания Кант, тем самым, указал на невозможность познания самой трансцендентальной рефлексии, так как она является объяснительным принципом, поэтому не может стать предметом трансцендентальной философии.

В рамках философии науки отмечается эвристическая функция философского знания для науки в целом. Бажанов В.А. пишет: «Философия издавна – традиционно – обладает прерогативой общенаучной (и общекультурной) рефлексии. …Философия способна выступать и как общенаучное средство познания, и как инструмент метатеоретического исследования. Такая особенность высших уровней рефлексии открывает перспективы углубления в предмет, его критической перестройки и переосмысления, равно как получения нового знания о предмете» [3, С. 78].

Итак, мы можем отметить, что философия как феномен культуры обладает рефлексивной природой проявление которой представлено:

- в исторически появляющихся новых смыслах и значениях рефлексии;
- в существовании условия самого философского знания (его самообосновании);
- в функционировании философии как инструмента и средства, метатеоретического познания науки.

Более того, в рамках трансцендентальной рефлексивной традиции философию можно рассматривать как форму проявления самой рефлексии.

Следующим этапом нашей работы стало обращение к феноменологии рефлексии, представленной в науке. Ярким проявлением этого стало возникновение в двадцатом веке новой научной отрасли – наукоучения (В.А. Бажанов, В.И. Кураев, Ф.В. Лазарев, В.А. Лекторский, Э.Г. Юдин и др.). В рамках наукоучения рефлексивность рассматривается как свойство науки. Об этом свойстве стали говорить, и причем все активнее на рубеже 1960—1970 гг. двадцатого века. Бажанов В.А. определяет *рефлексивность научного знания как самообращенность, наличие в нем механизмов и норм сознательного контроля над процессом его роста и функционирования* [3, С.73]. Эту же функцию рефлексии в науке отмечают Корнилова Т.В. и Смирнов С.Д. [10].

Основным источником возникновения рефлексивности науки, с точки зрения современной философии и методологии науки является все большее и большее усложнение объектов познания (например, сложные, самоорганизующиеся исторические системы), усиление влияния науки на общественные отношения и т.д. Эти факторы обуславливают необходимость появления механизмов координации,

упорядочивания и регуляции научного познания. Таким механизмом и выступает рефлексия. Собственно, *рефлексивность научного знания* - это её «институционально закреплённые формы самосознания» (В.А. Бажанов), которые характеризуются замкнутостью и направленностью на «непосредственно качественные и количественные параметры науки, отдельных концепций и теорий, в совокупности воссоздающие образ науки». Это свойство представлено в культуре такими отраслями научного знания как: *методология, науковедение, наукометрия, социология науки и т. д.* Проводя параллели с человеческим самосознанием, В.А. Бажанов считает, что *усложнение форм и механизмов общественного самосознания приводит к возникновению рефлексии.*

Юдин Э. Г. [20] к основным формам внутринаучной рефлексивности относит: онтологизм (от Аристотеля до середины XIX в.) и гносеологизм (с середины XIX , XX и XXI вв.). Эти формы отличаются тем, что в онтологизме рефлексия направлена на связку «знание – объект», а гносеологизме «субъект-объект». Бажанов В.А. выделяет и третью форму внутринаучной рефлексии - методологизм (с начала Нового времени), когда центром самосознания науки становится дихотомия «субъект – знание». В целом, представленные формы задают свой ракурс *рефлексивной активности науки.* В первом варианте, как отмечает Бажанов, рефлексии «предоставляется право» стать механизмом получения истинного знания путём осознания «внешних» условий мешающих познанию, во-втором, она становится механизмом, позволяющим решать проблему истинности с учётом «внутренних» условий. В этом случае, рефлексия приобретает статус познавательного механизма и, наконец, третья форма, отражает новый статус рефлексии - механизма развития знания, когда происходит построение целостного видения «внутренних» и «внешних» факторов и условий возникновения знания [4].

Каковы проявления «научного самосознания» в рамках самой науки? Сложность науки, цели и её аргументация диктует различные виды и уровни рефлексивности. Выделяют внутритеоретическую, метатеоретическую, междисциплинарную, общенаучную и философско-методологическую рефлексию (А.В.Бажанов, В.С. Швырёв и др.). Причём все указанные уровни взаимосвязаны и могут взаимодополнять друг друга.

Итак, наука как культурно-исторический феномен в процессе своего становления приобрела свойство рефлексивности, функция которого заключается в *организации, упорядочении, контроле и развитии научного знания.*

Рефлексия, представленная в языке и искусстве

Анализ массива исследований в области изучения языка и искусства (филология, театроведение, литературоведение, искусствоведение и т.д.) показывает, что рефлексия является предметом рассмотрения этих наук.

То, что рефлексию «уловил» язык является научным фактом. В работах Б.М. Гаспарова, Т.Н. Вепревой, Р. Якобсона и др. отмечается, что для языкового сознания характерно проявление языковой рефлексии – направленности языкового сознания на познание самого себя. Одним из аспектов исследования языковой рефлексии является описание рефлексивных средств. В современной филологии к ним относят: местоимения - себя, сам, возвратные глаголы, возвратные конструкции (Ким Ен Ок), рефлексивные лексемы, рефлексивные стратегии (Л. Фальц) и т. д.

Гаспаров Б.М. отмечал, что «…языковая рефлексия: говорящий, узнаёт о языке, что-то о нём постигает, находит или придумывает. Типичным проявлением языковой рефлексии является то, что можно назвать метаязыковой деятельностью, различные рассуждения о языке, от простейших, …до сколь угодно сложных концептов». Якобсон Р. считал, что метаязык как часть языка является структурным образованием, не имеющим аналогов в других знаковых системах.

Тема метаязыка и языковой рефлексии в современной филологии и литературоведении представлена многочисленными исследованиями: «Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангарда» [17], «Литературная рефлексия в русской постмодернистской прозе …» [8], «Онтологическая поэтика и художественная рефлексия в лирике И. Бродского» [6] и др. Под *метаязыковой рефлексией* авторы, представленных работ, понимают - *разнородный и разноаспектный опыт осмысления человеком сущности языка в виде относительно стройной системы.*

На дискурсивном уровне метаязыковая рефлексия реализуется в особом классе суждений, так называемых, рефлексивах - это метаязыковые высказывания по поводу употребления актуальной лексической единицы. Концепция метоязыковой рефлексии в отечественной филологии разрабатывается Н.Т. Вепревой [5]. Учёный выделяет два вида рефлексивов: коммуникативный и концептуальный. Коммуникативный рефлексив – «открытый искусственный ряд особого типа, выступающий как единица речевого взаимодействия адресанта и адресата, как результат речевой деятельности». Это рефлексивы «реагирующие на коммуникативное напряжение и осуществляющие языковой контроль на речепорождающем уровне» [5]. Концептуальный рефлексив отражает сформировавшиеся представления о содержании

коммуникации или объекте реальности. Он возникает на «уровне превербального этапа формирования речевого высказывания и раеагирующий на концептуальное напряжение в речемыслительной деятельности» [5]. Источником возникновения рефлексивов, как отмечает Н.Т. Вепрева, является *коммуникативное и когнитивное напряжение, которое возникает в ходе речемыслительной деятельности.* Учёный считает, что у коммуникативного рефлексива двойная нагрузка «в своей основной функции он является выражением собственного содержания, связанного с коммуникативным напряжением, а во вторичной функции – формой выражения концептуального напряжения» [5, С.16]. Возникновение рефлексива можно представить следующей схемой: речемыслительная деятельность – напряжение, возникшее в речемыслительной деятельности под воздействием определённых факторов, – рефлексив.

Важно отметить, что рефлексивы как составляющие метаязыкового сознания принадлежат, в целом, языковому сознанию и представлены в нём как феномены. Источником же феноменологии рефлексивов являются объективные факторы, создающие некоторое напряжение, которое снимается его появлением. В рамках нашего исследования значимым является знания о средствах выражения рефлексивов и формах их трансляции. В филологии к таким формам относят различные высказывания о языке (пословицы, поговорки и т.д.). В современной русской постмодернисткой литературе рефлексия презентирована в таких формах как «музейное мышление» (А. Битов), «метод медленного письма» (С. Соколов), «выход в область пограничных смыслов» (В. Пелевин) и т.д. [8].

Итак, в современной филологии предметом исследования стали рефлексивные процессы осознания и самопознания языка. Именно за счёт них язык осуществляет функцию саморегуляции культуры. Рефлексия является и механизмом этих процессов и способом репрезентации самосознания (литературная рефлексия) культуры. Рассмотрение рефлексии в таком ракурсе позволяет определить лексические средства для её «обнаружения» в текстах, понять функций рефлексии в языковой культуре.

Обратимся к другому ракурсу феноменологии рефлексии - её бытии в искусстве. Анализ работ Ю.М. Лотмана позволил нам выделить ряд феноменов, которые мы «идентифицируем» с проявлением рефлексии.

Учёный отмечал два важнейших факта реальности - «удвоения реальности» и «удвоение удвоения». «Возможность удвоения является онтологической предпосылкой превращения мира предметов в мир знаков» - пишет Лотман [13, С. 195] и продолжает: «В элементарном факте удвоения некоторого объекта семиотическая ситуация скрыта как

чистая возможность. Как правило, она остаётся неосознанной для наивного сознания не ориентированное на знаковое восприятие мира. Иное положение складывается, когда происходит двойное удвоение, удвоение удвоения» [13, С. 195]. Каков результат, что лежит за этим процессом, какой механизм? Лотман отмечает: «В этих случаях явственно выступает неадекватность объекта и его отображения, трансформация последнего в процессе удвоения, что естественно обращает внимание на механизм удвоения то, что делает семиотический процесс не спонтанным, а осознанным» [13, С. 195]. Лотман не называет, в данном случае, этот механизм рефлексией, но именно результаты его действия и уникальность протекания, с нашей точки зрения, представляют его таковым. Важно отметить, что большое внимание учёный уделил описанию и анализу феноменологии проявления данного механизма.

«Многократность удвоения и трансформации отражённого образа в ходе этого процесса играет особую роль в изобразительных искусствах» - отмечает Лотман [13, С. 195]. Он считал, что роль «удвоение удвоения» можно рассмотреть на примере функции зеркала в определённые моменты развития изобразительного искусства.

Итак, на вопрос как представлена рефлексия в искусстве ответ - в зеркальном изображении на картине, в возникающих риторических структурах, которые существуют как в поэтических, так и прозаических текстах. ...«риторическая структура не возникает автоматически из языковой, а представляет решительное переосмысление последней, в системе языковых связей происходят сдвиги – факультативные структуры повышаются в ранге, приобретая характер основных. Риторическая структура вноситься в словесный текст извне, являясь дополнительной её упорядоченностью [13, С. 190]. Понимание объектов искусства как феноменов рефлексии позволяет нам, по-новому, взглянуть на принципы и методы её изучения с позиций культурно-исторического подхода уже в рамках психологических исследований.

Рефлексия, личность, культура: открытая феноменология

Вслед за Л.С. Выготским [7], А.Н. Леонтьевым [12], С.Л. Рубинштейном [16] мы рассматриваем личность в самом широком её понимании - как феномен культуры. Именно поэтому мы акцентируем внимание на проблеме описания связи рефлексии и процесса культурно-исторического становления личности. Поставленная проблема ещё далека от своего решения, однако, мы обратимся к ряду исследований в рамках, которых она нашла своё теоретико-методологическое обоснование.

Опираясь на культурно-исторический подход в поисках ответа на вопрос о рождении личности, В.М. Розин [15]отмечает, что именно в эпоху Возрождения, формируется институт личности. «Институт личности - это система культурных и правовых норм, правил и обычаев, закрепляющая самостоятельное поведение человека в обществе, его роли и функции, преимущественную ориентацию на других людей (и лишь во вторую очередь на Бога и Церковь)» [15, С.419].

«Личность – это собственно, такой тип организации сознания и поведения человека, в которую ведущую роль приобретают «образы себя» и действия с ними» - пишет учёный [15, С. 419]. Разум берёт на себя функцию интеграции, осмысления, организации связи различных несовпадающих характеристик «я», так как в процессе развития человека его психика вынуждена определённым образом согласовывать новые характеристики «образа себя» со старыми. «Но ведь это и есть рефлексия, как её понимал Дж. Локк» - отмечает В.М. Розин [15, С.421]. *Понятие рефлексии было призвано объяснить целостность и развитие человека как личности.*

Увидеть новые аспекты изучения рефлексии в культурно-историческом ракурсе позволило обращение к потенциалу историко-эволюционного подхода А.Г. Асмолова [2]. Рассматривая личность человека как многомерное, полисистемное историко-эволюционнное образование, Асмолов отмечает, что в «плоском» мире нет надобности рефлексии. Она помогает осознавать тот из многих миров личности или «построить» тот из миров, к которому побуждает особая задача – «задача на рефлексию». Рефлексия в рамках системного историко-эволюционного подхода обнаруживает многомерность личности наличие в ней таких миров, которые могут быть относительно автономными от окружающей реальности. Она очерчивает границы личности в культуре. Благодаря рефлексии личность может активно работать с собой и это проявляется в процессах самоосознания, саморегуляции, саморазвития. Рефлексия, обладая свойством системности, включаясь в ситуацию выбора, когда «личность заявляет о себе как об индивидуальности, жизненный путь которой часто становится историей отклонённых и изобретённых альтернатив» [15, С.165] становится механизмом отстаивания индивидуальности, «построения жизненного пути человека».

Итак, анализ результатов, проделанной нами работы позволит сделать ряд обобщений:

1) Смена представлений о рефлексии в философии является одним из показателей включённости *рефлексии* в контекст развития культуры *в форме философского знания.* В свою очередь, рефлексия выполняет

роль самообоснования философии являясь условием возможности данного вида знания (в рамках трансцендентальной философской традиции).

2) Наука обладает свойством самообращения, наличием механизмов, осуществляющих сознательный контроль над ростом и функционированием знания – рефлексивностью. Функционально рефлексивность науки проявляется в развитии, организации и упорядорядочении знания. В культурно-историческом аспекте рассмотрения рефлексии выделяют этапы проявления рефлексивной активности науки, причём в самой культуре институционально закреплены её различные формы, которые представлены такими отраслями научного знания как: методология, социология науки, наукометрия, науковедение, и т. д.

3) В языковой культуре и искусстве рефлексия фиксируется в форме языковых обобщений, рефлексивов, различных приёмов и методов литературного творчества (например, в постмодернистской литературе), риторических структурах, а в художественном творчестве в зеркальных элементах картины.

4) Сама личность человека как явления культуры, с точки зрения ряда учёных, возможна благодаря и в силу включённости в процесс её становления и развития - рефлексии.

Анализируя феноменологическое разнообразие рефлексии в культуре можно выделить и ряд её характеристик:

1) В культуре рефлексия функционально представлена в процессах самосознания, самопознания, саморегуляции.

2) К условиям проявления рефлексии можно отнести:

а) источник рефлексии - возникшая неразрешимость, проблема, напряженность, появившиеся противоречие между различными тенденциями;

б) существование культурных, исторически развивающихся средств, инструментов познания, смыслового фона знаний;

в) открытость культуры к самопознанию, саморазвитию, саморегуляции.

3) Рефлексия осуществляется на «замкнутой», условно выделяемой реальности. Она направлена на структуру, аспекты выделенной реальности (объекты рефлексии). Рефлексия возможна при «наличии» нерефлексируемой «рамки» (например, «Я» в процессе личностной рефлексии) и рефлексивной позиции, относительно которой она осуществляется.

4) Результаты рефлексии:

- получение нового знания об условно выделяемой реальности, его осознание (появившаяся ясность того, что результаты понимания,

принадлежат лично тебе, являются личным знанием), осмысление (присвоение новому знанию личностного смысла), развитие и регуляция.

5) Возникновение рефлексии с позиции культурно-исторического подхода обусловлены: усложнением форм и механизмов общественного самосознания, усложнением объектов научного поиска, усилением взаимовлияния науки и общественных отношений, усложнением видов деятельности личности.

6) В культуре транслируются:

- средства рефлексии (языковые структуры, художественные структуры, схематизмы и т.д.);
- результаты рефлексии (философское знание, методологическое знание, методы и приёмы постмодернистской литературы и т.д.);
- смыслы рефлексии (ценности самопознания, саморазвития, саморегуляции и т.д.);
- рефлексивные формы социального взаимодействия (управление и организация, наука, искусство).

7) В культуре создаются условия, средства и смыслы для возможного проявления рефлексии, но не транслируется ***сам процесс рефлексии.***

Итак, на основе полученных первичных обобщений, опирающихся на феноменологическое представление о рефлексии, мы можем отметить, что в культуре функционально выделен особый механизм познания, развития и регуляции – рефлексия. Обобщая полученные нами представления о рефлексии, дадим её определение. Рефлексия – механизм, направленный на создание *нового представления о какой-либо реальности (в том числе идеальной) за счёт её условного выделения из общих связей, рассмотрения с рефлексивной позиции (-й) – «точки зрения», благодаря чему выявляются «скрытые», не явные свойства и отношения. Образовавшаяся избыточность преобразует уже известные представления, и становится источником нового знания об изучаемой реальности, её осознания, осмысления, развития и регуляции.*

Полученные выводы показывают, что рефлексия феноменологически широко представлена в культуре. Эти обобщение позволят приблизить нас к решению проблемы исследования рефлексии в рамках культурно-исторической психологии. Нам видится, что дальнейшие шаги в этом направлении должны быть связаны, во-первых, с разработкой модели рефлексии. Во-вторых, с необходимостью описания «знаковых объектов» рефлексии и, в-третьих, с определением механизмов трансляции рефлексии в культуре, описанием условий и факторов, детерминирующих этот процесс.

Поставленные задачи требует от нас дополнительных исследований, прежде всего, обращения к представлениям о рефлексии в рамках различных философских традиций с целью выделения новых ландшафтов её бытия, более чёткого понимания её базовых характеристик и отношений.

Литература

1. *Аникина В.Г.* Проблема осознания в культурно-исторической теории Л.С. Выготского в контексте исследования рефлексии // Психологический журнал, 2009, Том 30, №2, С. 81-86.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развитие человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007.
3. *Бажанов В.А.* Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. №2. Том 2. 2002. С.73-89.
4. *Бажанов В.А.* Наука как самопознающая система. Казань. 1991.
5. *Вепрева И.Т.* Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: На материале высказываний-рефлексивов 1991-2002 гг.: автореферат дис. Доктора филологических наук. Екатеринбург.2003.
6. *Воробьева Е. П.* Литературная рефлексия в русской постмодернистской прозе: А. Битов, Саша Соколов, В. Пелевин: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Барнаул, 2004
7. *Выготский Л.С.* Собр. соч. в 6-ти томах. М.: Педагогика, 1982.
8. *Житенев А. А.* Онтологическая поэтика и художественная рефлексия в лирике И. Бродского: автореферат дис. кандидата филологических наук. Воронеж, 2004
9. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1964.
10. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2007.
11. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
12. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975
13. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство- СПБ», 2004.
14. *Розин В.М.* О необходимости различения понятий «схема рефлексии», «рефлексивная работа», «контекст рефлексии» // Рефлексивные процессы и управление. №1. Т1. 2001.С.55-61.
15. *Розин В.М.* Психология: наука и практика: Учеб. пособие. М.: РГГУ: Омега-Л, 2005.
16. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
17. *Черняков А. Н.* Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910-20-х гг.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Калининград, 2007.
18. *Щедровицкий Г.П.* Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление, 2001, Т. 1, №1. С. 47 – 54.
19. *Щедровицкий Г.*П. Мышление. Познание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.
20. *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.

ТЕОРЕМЫ О СОЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЕ

В.А. Лефевр

Калифорнийский университет, г. Ирвайн, США

В рамках теории рефлексивных игр исследуется вопрос о существовании условий, при которых все члены группы обладают свободой выбора. Показывается, что необходимым условием свободы выбора является существование у субъекта противника.

При каких условиях субъекты, входящие в группу, обладают свободой выбора? Эту проблему можно рассматривать как одну из центральных в социальной философии. Мы знаем, что в рефлексивной модели (Лефевр, 2009) субъект может быть в состоянии свободы выбора. Спрашивается, существуют ли условия, при которых *все* субъекты, входящие в группу, находятся в таком состоянии. Мы покажем, что в рамках теории рефлексивных игр такие условия существуют. Социальная организация, все члены которой обладают свободой выбора, безусловно соответствует нашему идеалу общественного устройства, при котором объединенность субъектов в единую систему не лишает их индивидуальной свободы. Далее мы покажем, что свобода может быть связана с особым геометрическим свойством графа отношений. Это свойство интерпретируется в теории социального баланса (Riley, 1967) как устойчивость группы субъектов. Таким образом, мы устанавливаем связь свободы индивидуального выбора с устойчивостью группы. В заключение мы доказываем парадоксально звучащую теорему: субъект, не имеющий врагов, не может быть свободным.

1. Свободная группа.

Рассмотрим набор субъектов a_1, …, a_n. Пусть им соответствуют множество альтернатив M_1, …, M_n, декомпозируемый граф отношений G_n и матрица воздействий T. Обозначим как T_i набор воздействий на субъекта a_i. Уравнение для субъекта a_i может быть записано как

$$a_i = A_{Ti} a_i + B_{Ti} \bar{a}_i \,. \qquad (1.1)$$

Мы назовем группу *свободной*, если для любого i

$$A_{Ti} = 1, \; B_{Ti} = 0.$$

Покажем теперь, что свободные группы существуют. Рассмотрим набор субъектов a_1, a_2, a_3, a_4. Пусть им соответствуют произвольные множества альтернатив M_1, M_2, M_3, M_4,
и пусть граф отношений таков (рис.1.1.):

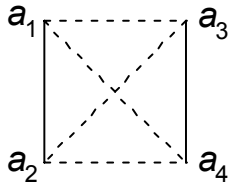

Рис. 1-1. Граф отношений.

Пусть матрица влияний имеет вид:

Таблица 1.1.

	a_1	a_2	a_3	a_4
a_1	a_1	1	0	1
a_2	1	a_2	1	0
a_3	0	0	a_3	1
a_4	1	1	1	a_4

Графу отношений соответствует полином

$$a_1 \, a_2 + \, a_3 \, a_4 \qquad (1.2)$$

и диагональная форма

$$\begin{matrix} [a_1] \, [a_2] & & [a_3] + [a_4] \\ [a_1 \, a_2] & + & [a_3 \, a_4] \\ [a_1 \, a_2 \; + \; a_3 \, a_4] & & \end{matrix} \,. \qquad (1.3)$$

Субъектам соответствуют уравнения

$$\begin{aligned} a_1 &= a_1 \, a_2 + \, a_3 \, a_4 \,, \\ a_2 &= a_1 \, a_2 + \, a_3 \, a_4 \,, \\ a_3 &= a_1 \, a_2 + \, a_3 \, a_4 \,, \\ a_4 &= a_1 \, a_2 + \, a_3 \, a_4 \,. \end{aligned} \qquad (1.4)$$

Подставляя в эти уравнения значения из Таблицы 1.1. и добавив в каждое уравнение член $0a_1$, получаем

$$a_1 = 1a_1 + 0\,\bar{a}_1,$$

$$a_2 = 1a_2 + 0\,\bar{a}_2,$$

$$a_3 = 1a_3 + 0\,\bar{a}_3,$$

$$a_4 = 1a_4 + 0\,\bar{a}_4.$$

Следовательно, группа является свободной.

2. Ординарная группа.

Будем считать, что друзья чаще стимулируют друг друга к активности, чем к пассивности, и что враги чаще разрушают активность друг друга, чем порождают ее. Назовем группу *ординарной*, если каждый субъект имеет, по крайней мере, одного друга и одного врага и при этом стимулирует своих друзей к отбору альтернативы 1, а врагов к выбору альтернативы 0. Группа, которую мы рассмотрели в разделе 1 не является ординарной. Глядя на матрицу влияний (Таблица 1.1.), мы видим, что субъект a_1 находящийся в конфликте с субъектом a_4, стимулирует его выбрать не 0, а 1. Чтобы превратить эту группу в ординарную, ей нужно поставить в соответствие иную матрицу влияний (Таблица 2.1):

Таблица 2.1.

	a_1	a_2	a_3	a_4
a_1	a_1	1	0	0
a_2	1	a_2	0	0
a_3	0	0	a_3	1
a_4	0	0	1	a_4

При влияниях, задаваемых этой матрицей, соотношения (1.1) выполняются. Мы видим, что ординарная группа может быть свободной.

3. Сбалансированная группа.

Уже более шестидесяти лет социологи ищут критерий, как зная лишь структуру графа, определить будет ли группа устойчивой. Теоретические и эмпирические аргументы привели социологов к выводу, что наиболее устойчивыми являются сбалансированные группы. Группа называется сбалансированной, если множество узлов ее графа отношений можно разбить на два непересекающихся подмножества (одно из которых может быть пустым) таким образом, что ребра, соединяющие узлы внутри каждого подмножества,

принадлежат отношению союза, а ребра, соединяющие узлы разных подмножеств, принадлежат отношению конфронтации.

4. Ординарная сбалансированная группа.

Справедлива следующая

Теорема: Ординарная сбалансированная группа свободна, т.е. каждый субъект, в нее входящий, обладает свободой выбора.

Доказательство. Такой группе соответствует полином вида

$$a_1a_2 \ldots a_k + b_1b_2 \ldots b_r , \qquad (4.1)$$

где $k \geq 2$, $r \geq 2$. Эти условия существенны, т.к. при $k=1$ или $r=1$ у одного или двух субъектов не будет друзей. Полиному (4.1) соответствует диагональная форма

$$\begin{matrix} [a_1]\,[a_2]\ldots[a_k] & & [b_1]\,[b_2]\ldots[b_r] \\ [a_1a_2\ldots a_k] & + & [b_1b_2\ldots b_r] \end{matrix}$$
$$[a_1a_2 \ldots a_k + b_1b_2 \ldots b_r] \qquad . \qquad (4.2)$$

При такой диагональной форме любому субъекту (не нарушая общности рассуждения, положим, что это a_1) соответствует уравнение

$$a_1 = a_1a_2 \ldots a_k + b_1b_2 \ldots b_r . \qquad (4.3)$$

Субъекты $a_2 \ldots a_k$ являются “друзьями” субъекта a_1, а субъекты $b_1b_2 \ldots b_r$ “врагами”. Поскольку группа является ординарной, переменные, соответствующие друзьям, принимают значение 1, а переменные, соответствующие врагам – 0. После подстановки значений уравнение (4.3) может быть записано как

$$a_1 = a_1, \qquad (4.4)$$

из чего следует утверждение теоремы.

Если считать, что у групп есть тенденция эволюционируя становиться ординарными и сбалансированными, то свобода выбора субъектов есть их неотъемлемый финальный атрибут.

5. Друзья и враги.

Рассмотрим группу, состоящую только из друзей. Такой группе соответствует полином

$$a_1a_2 \ldots a_k , \qquad (5.1)$$

где $k \geq 2$, и уравнение

$$\frac{[a_1]\,[a_2]\ldots[a_k]}{[a_1a_2\ldots a_k]} = 1. \qquad (5.2)$$

Эта группа суперактивна, ее члены неспособны выбрать альтернативу 0. Следовательно, группа, в которой нет отношения конфликта, не является свободной. Однако эта группа сбалансирована, согласно определению, данному в разделе 3. Необходимым условием того, чтобы сбалансированная группа была свободной, является в ней наличие субъектов, находящихся в конфликтных отношениях.

Покажем, что не только группа, в которой нет конфликтных отношений, но и субъект, у которого нет врагов, не может быть свободным.

Теорема. Субъект, входящий в группу с декомпозируемым графом отношений и связянный с другими членами группы только отношением союза, не обладает свободой выбора.

Доказательство. Пусть субъект a находится в союзе со всеми членами группы. Графу этой группы соответствует полином вида

$$aP\,, \tag{5.3}$$

где P полином, соответствующий подграфу исходного графа, в который не входит узел a. Полиному (5.3) соответствует диагональная форма вида

$$\begin{matrix} [a]Q \\ [aP] \end{matrix}\,, \tag{5.4}$$

где Q либо диагональная форма, либо произведение диагональных форм, либо сумма диагональных форм. Уравнение для субъекта a имеет вид

$$a = (P + \bar{Q})a + \bar{a}\,, \tag{5.5}$$

здесь $A = P + \bar{Q},\ B = 1$.

Необходимым условием свободы выбора является $B = 0$. Поскольку для субъекта a это условие не выполняется, он не обладает свободой выбора.

Мы видим, что в рамках нашей модели достижение социального идеала – свободы выбора – так или иначе оказывается связанным с существованием конфликтных отношений.

Литература

1. *Лефевр, В. А.* Лекции по теории рефлексивных игр. Когито-Центр, 2009.
2. *Riley, J. E.* An Application of Graph Theory to Social Psychology. Lecture Notes Mathematics, 1969, Vol. 110, pp. 275-280.

УСТАНОВКИ. КОНСЕНСУС

В.А.Лефевр, С.С. Тарасенко

В.А.Лефевр
Калифорнийский университет,
г. Ирвайн, США

С.С. Тарасенко
Computer & Communication Innovation
Research Laboratories, NEC Corporation,
Assistant Manager, Japan

Теория рефлексивных игр распространяется на случай, когда у субъектов есть установки к выбору своих отношений с другими членами группы. Кроме того, находятся условия, при которых группа способна принимать решения как единое целое.

В этой работе проводится расширение теории рефлексивных игр в двух направлениях. Во-первых, полагается, что субъект, входящий в группу, может иметь *установку* вступать либо в союз, либо в конфликт с другими субъектами. Во-вторых, мы полагаем, что группа может рассматриваться как макросубъект способный принимать решение. Это решение интерпретируется как результат консенсуса между членами группы.

1. Установки и посредники.

Используя модель, основанную на теории рефлексивных игр (Лефевр, 2009), мы показываем, что в случае, когда у каждого субъекта есть фиксированная установка на конфликт или союз с другими членами группы, ни одна пара конфликтующих субъектов не имеет посредника, т.е. субъекта, находящегося в союзе с каждым из членов пары. Это приводит к трудностям при попытках разрешения конфликта.

Мы будем рассматривать полные графы с отношениями союза и конфронтации.

Отношение союза будет обозначаться R а конфронтации $notR$. Пусть G граф, состоящий из n узлов, где $n \geq 3$, ребра принадлежат отношениям R и $notR$, одно из которых может быть пустым. Каждому узлу графа соответствует субъект, и каждому субъекту соответствует либо установка на R, либо установка на $notR$. В результате мы получаем

множество пар, которое мы называем *набором субъектов с установками*.

Социологический смысл этой конструкции таков. Рассмотрим пару (*a*, *R*), где *a* субъект. Это означает, что у *a* есть установка на выбор отношения союза с каждым субъектом. Паре (*b*, *notR*) соответствует случай, когда у субъекта *b* есть установка на выбор отношения конфронтации с каждым субъектом в группе.

Введем правило, по которому происходит установление отношений между субъектами. Мы полагаем, что отношение союза устанавливается лишь тогда, когда оба субъекта в паре имеют установку к союзу. В противном случае между ними устанавливается отношение конфронтации, т.е. если хотя бы у одного из двух субъектов есть установка на конфронтацию, между ними будет отношение конфронтации. Такое правило кажется естественным, ибо союз предполагает обоюдное движение навстречу друг другу.

Рассмотрим группу, в которой конфликт двух субъектов может разрешаться усилиями третьего субъекта, находящегося в союзе с каждым из конфликтующих субъектов. Такой ситуации соответствует граф на рис.1.

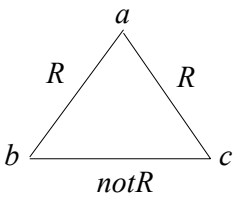

Рис.1. Субъекты *b* и *c* находятся в отношении конфронтации. Субъект *a* находится в союзе и с *b,* и с *c*. Он посредник.

Мы будем считать конфликт двух субъектов трудно разрешимым, если у них нет посредника.

Теорема. В группе субъектов с установками нет посредников.

Доказательство. Предположим, что в такой группе есть по крайней мере один посредник. Тогда его отношениям с двумя конфликтующими членами группы должен соответствовать граф на рис.1. Субъекты *a* и *b* находятся в союзе. Это возможно лишь тогда, когда *a* и *b* имеют установку к союзу. Субъекты *a* и *c* также находятся в союзе, что возможно только если и *a*, и *c* имеют установку к союзу. Таким образом *b* и *c* имеют установку к союзу, и между ними не может быть конфронтации. Следовательно, предположение о существовании посредника неверно.

Из этой теоремы следует, что группа, в которой установка к выбору отношений предопределена заранее, лишена возможности разрешать конфликты внутренними средствами.

2. Теоретический аналог консенсуса

До сих пор в теории рефлексивных игр рассматривался только индивидуальный выбор. Однако многие организации субъектов способны к групповому выбору, который есть результат консенсуса. Слово “консенсус” понимается в очень широком смысле. Этот термин может быть применен и к совместной разрядке напряженности, и к “дружескому” совместному разжиганию конфликта. Далее мы вводим процедуру, порождающую множество действий, соответствующих консенсусу. Сначала выясняется, декомпозируем ли граф. Если нет, производится упорядочение субъектов по их важности, с точки зрения внешнего исследователя. После чего начинается удаление наименее важных субъектов по одному до тех пор, пока группа не станет декомпозируемой. Далее предполагается, что нам известны индивидуальные выборы

$$S_1, S_2, \ldots, S_i, \ldots, S_n ,$$

где i номер субъекта.

Мы считаем, что если субъект находится в состоянии фрустрации, то его множество выбранных действий пусто. Далее мы полагаем, что группа как макросубъект проводит интеграцию S_i с помощью процедуры, соответствующей вычислению значения полинома группы,

$$P = P(S_1, S_2, \ldots, S_n).$$

Множество действий P соответствует консенсусу группы. Возможен случай, когда P пусто. Это означает, что в группе не формируется консенсус, т.е. члены группы не могут прийти к согласованному решению.

Модель консенсуса, основанная на полиноме P, обладает рядом свойств, естественных для генератора группового выбора.

Если $S_1 = S_2 = \ldots = S_n = A$, то $P = A$. Другими словами, если у субъектов множество выбранных действий одно и то же, то P совпадает с этим множеством. При $A=0$ у каждого субъекта множество выбранных действий пусто, и при этом пусто множество P. Поэтому если каждый субъект находится в состоянии фрустрации, то множество P пусто, поскольку у каждого субъекта значение $S_i = 0$.

Рассмотрим пример.

Пусть группе соответствует граф на рис.1. Этому графу соответствует полином

$$P(a,b,c) = a(b + c)$$

Пусть субъект a готов выбрать множество действий 1, а субъекты b и c не готовы выбрать какие-либо действия, т.е. они “выбирают” пустое множество 0:

$$S_a = 1,\ S_b = 0,\ S_c = 0.$$

Подставим эти величины в $P(a,b,c)$ и находим, что

$$S = 1,$$

т.е. консенсусу соответствует все множество действий.

Литература

1. *Лефевр, В.А*. Лекции по теории рефлексивных игр. Когито-Центр, 2009.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ В ПОЛИТИКЕ: ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС В ЯПОНИИ

С.С. Тарасенко

Computer & Communication Innovation Research Laboratories, NEC Corporation, Assistant Manager, Japan

Введение: трагедия Фукусимы

Целью данной работы является применение теории рефлексии к анализу реальных событий.

В марте этого года после сильнейшего землетрясения и цунами в Японии, вышла из строя АЭС "Фукусима-1". Катастрофы такого масштаба представляют реальную угрозу безопасности государства. Задачами правительства с одной стороны является не допустить общественной паники, а с другой - спасение жизней людей в зоне радиоактивного заражения. Однако, как правило, правительство сосредотачивает основные усилия на блокировании информации. Между тем ситуация на АЭС "Фукусима-1" складывалась очень сложная - на двух реакторах с разницей в один день, произошли взрывы. Хотя официальные власти отрицали серьезность последствий, на авианосце ВМФ США "Рональд Рейган", который находился в 100 милях от АЭС, за час была зарегистрирована месячная доза радиации [1]. В тоже время, японское правительство объявило выброс радиации незначительным и определило зону эвакуации в 10 км.

Ситуация в японских СМИ оставалась напряженной, но частной компании TEPCO (Tokyo Eletric Power COmpany), управляющей АЭС, и правительству Японии удавалось избегать утечек информации и формировать противоречивую картину относительной безопасности. Выступления премьер-министра Наото Кана были фактором, который мог бы окончательно подорвать доверие. Таким образом, для TEPCO и заинтересованных кругов правительства сложилась критическая ситуация.

Политический портрет Наото Кана

Наото Кан является жестким и прямолинейным политиком. Свою репутацию он заслужил в 1996, когда, будучи министром здравоохранения (minister of health and welfare), заставил официальные

власти обнародовать документы и признать применение зараженной крови в медицинских целях еще в 80х годах [2]. Тогда Кан также лично принес извинения всем пострадавшим.

В 2011 году, Наото Кан стал премьер-министром Японии от Демократической Партии Японии (DPJ), которая нанесла сокрушительное поражение Либерально-демократической партии (LDP) на выборах осенью 2009 г. До этого момента, LDP была у власти 55 лет.

Еще на посту министра финансов (январь-июнь 2010 г.) Наото Кан начал кампанию по борьбе с бюрократизированным аппаратом управления страной. Основной целью кампании является реформирование Касумигасэки[1] (Kasumigaseki) [3]. Бюрократическая система Японии крайне сильна и оказывает решающее влияние. Еще в книге "Пятнадцатый камень сада Рёандзи", Владимир Цветов писал, что основная часть важных политических решений принимается не в кабинетах чиновников, а в дорогих ресторанах министерского района Токио Касумигасэки по принципу "ниндзё-гири" - "ты мне - я тебе" [4].

Таким образом, Наото Кан - жесткий политик, который бросил вызов сложившемуся более чем за полвека порядку вещей.

Рефлексивное воздействие на Наото Кана

В сложившейся ситуации, Наото Кан и секретарь кабинета министров Юкио Эдано, ежедневно выступали с докладами. Изначально, Кан отвечал за координацию сил самообороны для спасения жерт землетрясения и цунами. Однако он также докладывал о состоянии на АЭС. В обязанности Эдано входил только отчет об АЭС.

Когда кризис на АЭС усугубился, Наото Кан так же стал больше уделять внимания вопросам, связанным с АЭС. В сложившейся ситуации, во время одной из пресс-конференций, Наото Кан получил информацию по АЭС не напрямую от TEPCO, как было до этого, а от своего помощника непосредственно перед началом выступления. При этом данная информация уже было обнародована СМИ.

Это вызвало очень резкую критику с его стороны с использованием крепких выражений. Таким образом, Наото Кан дискредитировал себя в глазах общественности и был вынужден перестать выступать с докладами.

Рассмотрим данную ситуацию с точки зрения рефлексивного управления. Обратимся к модели субъекта, представленной в главе

[1] Касумигасэки - центральный район в Токио, где проживают правительственные чиновники, служащие гражданских и военных ведомств. В этом районе расположены здания различных министерств, Верховного суда, Главной прокуратуры, Токийского управления полиции. В СМИ название Касумигасэки часто употребляется как синоним правительства страны.

“Метавыбор” книги В.А. Лефевра "Алгебра совести" [5], в которой рассматривается рефлексивная модель субъекта:

$$A = a_1 + \bar{a}_2 x_3 \qquad (1)$$

где A - это выбор субъекта, a_1 - давление мира в настоящий момент, a_2 - давление мира в прошлом, x_3 - интенция субъекта.

Мы применим эту модель для объяснения поведения премьер-министра Японии. Обозначим теперь через 1 - достижение некоторой цели, а через 0 - отклонение от заданной цели. Наото Кан известен как жесткий политик, идущий к своей цели. В данном случае цель - это изложить ситуацию вокруг АЭС, поэтому его интенция будет 1, т.е. $x_3 \equiv 1$. Тогда

$$A = a_1 + \bar{a}_2 \qquad (2)$$

Теперь расшифруем уравнение (2) в терминах влияний: *если непосредственно перед выступлением, не будет проведено провокации ($a_1=1$), то он достигнет своей цели ($A=1$). Если же провокация произойдет ($a_1=0$), то поведение Кана будет зависеть от его психологической готовности: если провокация будет неожиданной ($a_2=1$, т.е. никаких провокаций в прошлом не было), то он отвлечется от цели своего выступления ($A=0$), если же провокации имели место ранее ($a_2=0$), то он будет говорить на заранее подготовленную тему ($A=1$).*

В сложившейся ситуации, Наото Кан оказался психологически не готов и поддался на провокацию. Таким образом, некоторые силы смогли его дискредитировать и пресечь возможность "утечки информации".

Заключение

В данной работе было показано на примере анализа воздействия на премьер-министра Японии как модели рефлексивного управления могут эффективно применяться в политике.

Литература

1. America on nuclear alert: Could fallout from Japan explosion reach U.S. West Coast? by DAILY MAIL REPORTER, 14th March, 2011. http://www.dailymail.co.uk/news/article-1366055/Japan-earthquake-tsunami-America-nuclear-alert-Fukushima-explosion.html.
2. *Naoto Kan,* Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/Naoto_Kan.
3. Japan finance minister Naoto Kan: sharp-tongued and battle-ready by Peter Ford, Staff writer, 7th January, 2010. http://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2010/0107/Japan-finance-minister-Naoto-Kan-sharp-tongued-and-battle-ready.
4. *Цветов В.Я.* Пятнадцатый камень сада Рёандзи. - М.: Издательство политической литературы, 1986. - 302с.
5. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. - М., «Когито-Центр», 2003. - 412с.

ФОРСАЙТ КАК РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В.В. Никитаев

Эксперт ЮНИДО, Москва

В монографии «Конфликтующие структуры» (1967), давно ставшей классической, В.А. Лефевр называет *рефлексивным управлением* «процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому» [1, с.48]. Рефлексивное управление, по идее, это не просто применение управляющим субъектом *своей* рефлексии, но использование им рефлексивной способности того, кем он хочет управлять.

Придерживаясь исходного определения Лефевра, придется признать, что понятие рефлексивного управления до сих пор систематически используется преимущественно как объяснительный принцип в целях развития теории или модельных построений, а на практическом уровне – в лучшем случае, в учебно-воспитательном процессе. Есть множество социальных и политических событий и процессов, которые можно проинтерпретировать как рефлексивное управление, однако, это еще не означает, что они организуются как *практика* рефлексивного управления, что люди, которые их организуют и успешно ведут (например, «информационные войны»), знают хотя бы сам термин «рефлексивное управление». Обратное также верно: далеко не всегда люди, называющие свою работу «рефлексивным управлением», действительно его осуществляют. На наш взгляд, подлинной практикой рефлексивного управления до сих пор могут служить только *организационно-деятельностные игры*, расцвет которых пришелся на 80-е годы прошлого века.

В отличие от теории рефлексивного управления, *форсайт* уже более двух десятков лет находит самое широкое практическое применение во многих странах мира [2]. За последние годы произошло заметное продвижение на пути превращения форсайта из источника «информации о будущем» для лиц, принимающих решения, в сравнительно эффективный инструмент политического анализа и политики (см., например, [3], [4]), стратегического менеджмента [5] и

планирования. Типичными сферами приложения форсайта стали научно-техническая, инновационная, региональная и промышленная политика. Тем не менее, он до сих пор не имеет адекватной теоретической базы, что порождает известного рода трудности, как при проектировании, так и при оценивании. Некоторую конструктивную жесткость форсайту придают принципы и общая схема организации и реализации, а что касается методов, то они взяты из других областей (системного анализа, прогнозирования, имитационного моделирования, исследования операций, стратегического планирования и т.д.).

Цель данной статьи – показать принципиальную возможность, с одной стороны, трактовать **форсайт в ракурсе практики рефлексивного управления,** а с другой – использовать **теорию рефлексивного управления в качестве теоретического базиса форсайта.** При этом, поскольку форсайт не имеет сегодня общезначимого теоретического или нормативного описания («стандарта»), мы будем пользоваться неким идеально-нормативным представлением о форсайте, сконструированным на основе доступных материалов. Такое представление необходимо, чтобы иметь возможность сопоставлять форсайт с теорией рефлексивного управления; в то же время оно, разумеется, не претендует на то, чтобы покрывать весь корпус проведенных или проводимых форсайтов, либо отделять «форсайт» от «не-форсайта».

На первый взгляд, выдвинутый выше основной тезис представляется довольно парадоксальным.

Понятие рефлексивного управления, как уже отмечалось, было введено в контексте исследования и управления «конфликтующими структурами», как попытка концептуализации и алгоритмизации для ЭВМ некоторых аспектов военного искусства. Поясняя вводимое им понятие, Лефевр пишет: «Любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще ложь произвольного типа представляют собой рефлексивное управление. Ложь может иметь сложное строение: например, передача противнику правдивой информации, чтобы он, считая ее ложной, принял соответствующее решение» [1, с. 48].

В докладе 2002 года «Рефлексивное управление, моделирование и мораль» он дает несколько другую трактовку: «Рефлексивное управление — это информационное воздействие на объекты, для описания которых необходимо употреблять такие понятия, как сознание и воля. Объектами такого рода являются и отдельные люди, и объединения людей: семья, группа, страта, нация, общество, цивилизация. Термин «рефлексивное управление» может пониматься в двух смыслах. Во-первых, как искусство манипуляции людьми и

объединениями людей. Во-вторых, как специфический метод социального контроля» [1, с. 454]. Однако и в такой, более «политкорректной», формулировке рефлексивное управление всё еще выглядит достаточно далеко отстоящим от форсайта, декларирующего полную прозрачность целей и процедур, привлечение широкого круга участников, демократичность, информационную открытость и т.д. Но это только на первый, поверхностный взгляд.

Эксплицировать конгруэнтность рефлексивного управления и форсайта начнем с того, что оба они *суть субъектные подходы*.

Применительно к рефлексивному управлению это следует непосредственно из определения. Поскольку исходно предполагается, что тот, кем хотят управлять, обладает рефлексией, то он уже – *субъект*, а не объект. Далее, «персонажи», разыгрывающие акт рефлексивного управления, в сущности, равны между собой, и управление одним из них со стороны другого «осуществляется не за счет прямого навязывания ему своей воли, а за счет передачи ему оснований, из которых он «дедуктивно» выведет предопределенное другим противником решение» [1, с.48]. То есть, у контрагента предполагается не только наличие рефлексии, но и способность к «дедукции».

Справедливости ради следует заметить, что в рефлексивном управлении сохранение исходного статуса субъекта никому, вообще говоря, *не гарантировано*. Более того, главной целью управляющего воздействия на одного из участников может быть временное лишение (блокировка) рефлексии и мышления. То есть, на какое-то время он действительно может быть превращен в объект манипуляций; и единственным препятствием к этому служит только активность и мощность его рефлексии.

Ситуация рефлексивного управления, даже в своем конфликтном модусе, – это ситуация симметричной (по крайней мере, потенциально) коммуникации, в которой «побеждает» тот, кто сможет в своей рефлексии имитировать и «просчитать» рефлексию своего контрагента («противника»). Отсюда следует, в частности, что в рефлексивном управлении далеко не во всех случаях нужна ложь, намеренное искажение информации, – хотя может потребоваться ее «дозирование» или выборочная (тенденциозная) подача. В этом, вообще говоря, «нет криминала», поскольку селекция и акцентуация информации есть обычное дело в повседневном общении людей друг с другом. Понимание правил «что, кому и как можно говорить» составляет часть социальной компетенции, необходимой для жизни в обществе. Важно не сокрытие субъектом X некой информации от субъекта Y как таковое, но то, *зачем* он это делает, каковы его *намерения*.

Нет никакой необходимости в том, чтобы ограничивать рефлексивное управление только случаями открытого или скрытого конфликта или конкуренции. Могут быть разные причины к тому, чтобы вместо прямого указания (директивы) или просьбы – «передавать основания» для принятия решения. Директивное управление, как и обращение с просьбой, предполагает или устанавливает неравное отношение между сторонами, как бы принижая одну из них. «Передача оснований» от X к Y такого снижения статуса не предполагает и не означает. Более того, за «управляемым» Y, в принципе, всегда остается возможность выбора и свобода воли; «управляющий» X никогда не может быть на 100% уверен в том, что он однозначно «просчитал» сознание управляемого, и что тот не сможет рефлексивно «раскрыть» его план.

Собственно, Лефевр предлагает нам лишь способ формализации разворачивания картин такого взаимного рефлексивного отображения; все рецепты его теории в данном случае носят характер гипотетических суждений «*если А, то Б*», и не содержат процедур, какими можно было бы в реальной ситуации убедиться, что «на самом деле А». Поэтому за рефлексивным управлением принципиально сохраняется характер *игры*. Разумеется, как и в других играх, в реальности один из игроков заведомо может превосходить другого своими способностями к данной игре, но, с точки зрения теории, это дела не меняет.

Форсайт, со своей стороны, – это *субъектный подход к будущему*. Нередко субъектность понимается как *субъективность*, и тогда форсайт трактуется как едва ли не любое «предвидение» будущего, использующее методы групповых экспертных опросов, обсуждения и оценивания.

Согласно концепции форсайта FOR-LEARN, принятой в ЕС [6], форсайт определяется «треугольником», включающем в качестве вершин: *мышление о будущем* (Thinking the future), *обсуждение будущего* (Debating the future) и *формирование будущего* (Shaping the future). По сути, они представляют собой категории, лежащие в основе форсайта, и в разных формах, так или иначе фигурируют в большинстве дефиниций форсайта. Так, широкое распространение имеет следующее определение: «Форсайт есть систематический, партиципаторный процесс сбора информации о будущем и построения средне- и долгосрочного видения, нацеленный на оперативное принятие решений и организацию совместных действий» [7, p.11].

Предполагается ли здесь субъектность? Да, поскольку тот, кто в состоянии осуществлять и, что еще важнее, *соединять* мышление, коммуникацию и действие – по определению, есть субъект.

Фактически, главная проблема при организации форсайта – *собрать такого субъекта* (который, конечно, может быть только коллективным), «свести вместе ключевых агентов изменений и источники знаний, чтобы развить стратегическое видение и предвосхищающий интеллект» [7, p.11]. Во всех современных руководствах по форсайту в качестве обязательного требования выставляется привлечение к процессу форсайта *лиц, принимающих решения* в той сфере, на которую нацелен форсайт. Если в ней пересекаются интересы правительства, бизнеса, научных и/или общественных организаций, то необходимо стремиться к тому, чтобы были представители высокого уровня от всех стейкхолдеров (интересантов). Если они не имеют времени и/или желания участвовать в работе в качестве экспертов, их включают в т.н. *Steering Committee*, или в другие «верхние» элементы организационной структуры форсайта. В том, что касается экспертов, существуют специальные процедуры отбора тех, кто в данной сфере «задает тон», являются реальными содержательными лидерами.

Наряду с т.н. формальными продуктами форсайта в виде отчетов, докладов, публикаций и т.д., важнейшим результатом считается формирование *экспертной сети*, покрывающей сферу приложения форсайта. Для этого широко используются интернет-технологии.

Таким образом, форсайт предполагает и направлен на создание структуры, которая достаточно релевантно репрезентирует сферу, к которой применяется форсайт, и, в принципе, может выступать в качестве *субъекта ее развития*. Данная структура (сеть) – *полисубъектная*, поскольку, по замыслу, всякие отношения власти и подчинения в ней исключены, все эксперты равны между собой; это чистая структура кооперации, в которой каждый свободно (в рамках метода, конечно) может высказывать собственное мнение и влиять на выработку рекомендаций для властных инстанций. К примеру, в рамках «ФинСайта – 2015» 90% участников панелей отметили, что их мнение нашло отражение в отчетах [8].

Следующий момент конгруэнтности – это *использовании рефлексии*.

Рефлексивное управление, по определению, предполагает использование *рефлексии*, которая в теории рефлексивного управления вводится как своего рода идеальный объект. «Рефлексия в ее традиционном философско-психологическом понимании — пишет Лефевр, – это способность встать в позицию «наблюдателя», «исследователя» или «контролера» по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям. Мы расширим такое понимание рефлексии и будем считать, что рефлексия — это также способность встать в

позицию исследователя по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям» [1, с.16].

Данное понимание рефлексии формализуется в понятии *рефлексивной системы*, которой называется система, «один из элементов который выполняет функцию отображения целого». В схематизме конфликтующих структур, целое включает в себя «плацдарм» и два (как минимум) конфликтующих персонажа; по крайней мере, один из которых обладает рефлексией первого порядка или выше, то есть способностью на своем «экране сознания» («планшете») отображать (осознавать) ситуацию на плацдарме, включая себя и противника, «внутренний мир» которого он пытается имитировать. «Внутренний мир» может включать представление о ситуации, цель, доктрину и т.д.

Использование рефлексии в процессе форсайта условно можно разделить на «предметную», «позиционную», «ретроспективную» и «внутреннюю». Смысл *предметной рефлексии* в том, что экспертам, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо, как минимум, осуществить рефлексию ситуации в своей сфере деятельности. *Позиционная рефлексия* или самоопределение заключатся в рефлексии их позиции внутри данной сферы. В частности, «нулевой» вопрос стратегического форсайта – это вопрос «*Who I am?*» [5, p.17].

Далее, в дефиницию форсайта входит указание на его «систематический», или, как сегодня все чаще говорят, «непрерывный» характер. Это требование постоянно декларируется, но далеко не всегда реализуется на практике. Очевидно, что систематичность во времени можно трактоваться как *рекурсивность*, и предполагает основанный на *ретроспективной рефлексии* периодический возврат к результатам проведенного форсайта, оценку их соответствия реальным событиям и корректировку, вплоть до полного пересмотра, разработанного ранее «образа будущего».

Наконец, *внутренняя рефлексия* – это использование рефлексии в ходе подготовки и проведения форсайта. В качестве примера можно привести проведенный в Финляндии в целях разработки национальной инновационной стратегии форсайт «ФинСайт – 2015». В ходе него членам экспертных панелей предлагалось самостоятельно обдумать сферу анализа и переосмыслить тематику панелей; сопредседатели панелей (один – от науки, один – от промышленности) регулярно собирались на совещания, рефлексивные по своему характеру; ход панельных дискуссий нормировался специальным шаблоном и фиксировался особого типа схемами, облегчающими последующую рефлексию, и т.д. [9].

Специфическая рефлексия предполагается и «внутри» ряда методов реализация форсайта. К примеру, такой популярный метод, как Дельфи, предусматривает два тура опросов: в первом туре эксперты высказывают свои мнения независимо друг от друга, во втором – каждого знакомят с мнением коллег и предоставляют возможность скорректировать свои ответы и оценки (при необходимости корректируют и вопросы) [9].

Следует заметить, что перечисленные типы рефлексии не всегда реализуются в конкретных проектах; более того, им не всегда уделяется должное внимание и в руководствах по форсайту. В то же время, как показывает практика «коллективного мышления», дефицит, утрата или изначальное отсутствие рефлексивного контроля, как правило, не позволяет достичь никаких содержательных результатов.

Третий момент конгруэнтности – это отношение ко *времени*.

На первый взгляд, существенное различие между форсайтом и рефлексивным управлением заключается в том значении, которое придается времени вообще и *будущему* в особенности. Форсайт конституируется как специфическая «работа с будущим», в теории же рефлексивного управления фактор время практически не упоминается, или, по умолчанию, рефлексия считается направленной в *прошлое*, с тем, чтобы лучше понять *настоящее*. Тем не менее, анализ понятия рефлексивного управления, его модельных примеров и практики использования рефлексии в ОДИ, показывает наличие в рефлексивном управлении достаточно четкой темпоральной конструкции.

Действительно, рефлексивное управление, по определению, заключается в передаче субъектом X субъекту Y «оснований», из которых Y «выводит» предопределенное первым решение. Очевидно, что между моментом передачи оснований и принятием решения имеется временной лаг, который в общем случае не может быть в точности рассчитан и проконтролирован X, поскольку существенно зависит от субъективности управляемого персонажа (Y) и других факторов, вносящих неопределенность. Короче говоря, если «передача оснований» происходит в *настоящем* (времени), рассчитывать на результат можно только в *будущем*.

Нетрудно понять, далее, что управляющий субъект X должен «*предопределять*» такое решение, которое будет выгодно ему в тот момент, когда оно будет приниматься и реализовываться, то есть, опять-таки, в будущей ситуации. Следовательно, ему требуется некое видение этого *будущего***,** отправляясь от которого «назад», он должен решить задачу, какое действие ему следует предпринять в настоящем, чтобы у субъекта Y появилось «основание» для принятия искомого «предопределенного решения». По сути, рефлексивно управляющий

субъект должен решить задачи, аналогичные *поисковому* (идущему от настоящего – к будущему) и *нормативному* (из будущего – к настоящему) прогнозированию (форсайту).

Информация о *будущем*, как правило, наиболее важна для субъекта и наилучшим образом подходит для побуждения его к тем или иным действиям.

Каким образом форсайт становится «руководством к действию»?

Форсайт стремится к достижению всеми участвующими сторонами *консенсуса* относительно «образа будущего». Поскольку, с точки зрения участников, итоговый вариант выбирается как *наилучший из множества всех возможных*, то отклонения от него, вообще говоря, никому не выгодны. Соответственно, каждый начинает ориентироваться на данный образ и прилагать усилия к тому, чтобы реализовался именно этот вариант будущего. Это значит, что в той мере, в какой в форсайт удалось вовлечь всех или большинство стейкхолдеров, запускается механизм «самореализующегося пророчества».

Рассматривая различные варианты рефлексивного управления, Лефевр отмечает, что наиболее развитыми способами управления является формирование *«рефлексивного строения управляемого персонажа*» или «*оператора осознания*» [1, с. 50]. Последний тип рефлексивного управления «не предусматривает достижение управляющим какой-либо конкретной цели в конкретной ситуации». Если такой процесс формирования рефлексии увенчался успехом, то решения управляемого персонажа «в совершенно различных ситуациях могут быть с достаточной уверенностью предсказаны персонажем, осуществившим такую процедуру управления» (там же). Параллели с форсайтом здесь очевидны.

Поскольку форсайт обычно не предусматривает принятия никаких директивных, обязательных для всех стейкхолдеров решений, претворение «видения» в действие остается для него камнем преткновения. Думается, что использование методологии рефлексивного управления дает шанс совместить привлекательную свободу мышления и коммуникации в форсайте с его эффективностью в плане организации действий. Сделать это, хотя бы отчасти, возможно за счет явного или неявного вменения (принятия) стейкхолдерами моральной ответственности за поведение, влияющие на достижение этого будущего. Формируемый в ходе форсайта «образ будущего», как уже отмечалось, в действительности носит рефлексивный характер. Это не только «образ будущего» *для всех*, но в нем, так или иначе, находит отражение тот «образ», который в будущем примет каждый стейкхолдер. Если эксплицировать этот момент, то, с одной стороны, на

основе такой структуры «образа» каждый участник сможет более четко оценить степень приемлемости для себя того или иного варианта будущего, а с другой – остальные участники имеют возможность выработать и выразить свое отношение к нему (участнику-стейкхолдеру). В этом случае каждый может быть поставлен в ситуацию наличия коллегиального («общественного») мнения относительно того, что он делает или намеревается сделать.

Итак, у нас есть достаточно оснований, чтобы утверждать: форсайт – это один из видов рефлексивного управления. В заключение рассмотрим вопрос о том, *кто кем управляет* в процессе форсайта и посредством его результатов. Согласно теории рефлексивного управления, ответ однозначный: тот, кто рефлексивно окажется мощнее других и сможет навязать им («продавить») свое видение будущего. Такого рода ситуации, судя по всему, не редкость в программах форсайта; особенно, в тех случаях, когда предполагается, что результаты форсайта будут использованы для принятия решения властными инстанциями о распределении тех или иных ресурсов в целевой области форсайта. Избежать негативного развития событий может помочь, опять-таки, теория и накопленный в ходе ОДИ инструментарий и опыт рефлексивного управления, позволяющий обеспечить единый (одинаково высокий) уровень рефлексии для всех участников и стейкхолдеров. В этом случае можно будет говорить о том, что коллективный субъект форсайта – и, одновременно, развития – осуществляет *самоуправление*.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М., 2003.
2. *UNIDO* Foresight Manual. http://www.unido.org/index.php?id=o5216.
3. *Кинэн М.* Технологический Форсайт: международный опыт // Форсайт. 2009. № 3 (11), с. 60 – 67.
4. *Havas A., Schartinger D., Weber K.M.* Experiences and Practices of Technology Foresight in the European Region // Technology Foresight Summit 2007. Budapest, Hungary, 27 – 29 September 2007. – p. 25 –55.
5. *Godet M., Durance P.* Strategic Foresight for Corporate and Regional Development. UNESCO, 2011.
6. *FOR-LEARN.* Online Foresight Guide. http://forlearn.jrc.europa.eu.
7. *Milies I., Harper J.C., Georghiou I., Keenan M., Popper R.* The Many Faces of Foresight / Georghiou I., Harper J.C., Keenan M., Milies I., Popper R. (eds.). The Handbook of Technology Foresight. Cheltenham, Edward Elgar, 2008.
8. *Бруммер В., Коннола Т., Сало А.* Форсайт-исследование для разработки национальных стратегий «ФинСайт-2015» // Форсайт. 2009. № 4 (12), с. 56 – 65.
9. *Кукушкина С.Н.* Метод Дельфи в Форсайт-проектах // Форсайт. 2007. № 1(1), с. 68 – 72.

СТИМУЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СРЕДАХ (СООБЩЕСТВО БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ДАРЕНИЯ ДАРУ-ДАР)

Каракулов М.С., Кадыров А.А.
Основатели социальной среды безвозмездного дарения "Дару-дар"

М.С.Каракулов

Дару-дар — это международное сообщество, в котором люди дарят друг другу свои вещи и услуги безвозмездно и бесплатно, не требуя чего-либо взамен. Миссия сообщества — совместными усилиями научиться дарить и принимать в дар и передать это умение остальному миру. Сообщество руководствуется традициями Дару-дара и взаимодействует с помощью сервиса безвозмездного дарения, сайта darudar.org.

Проект был запущен в конце 2008 года группой энтузиастов в виде интернет-сервиса darudar.org. За три года существования проекта к нему присоединилось более 100 тыс. человек из сотен городов (из Москвы - порядка 30 тыс.), при этом следует учесть, что большая часть людей присоединилась к сообществу благодаря приглашению, полученному от своих знакомых. Основные страны, участвующие в безвозмездном дарении в данный момент - это Россия, Украина, Беларусь, Казахстан. Ежедневно в дар отдаётся более 2000 вещей и услуг. Дарятся самые разные и порой неожиданные вещи: начиная с прочитанных книг, одежды, мобильных телефонов и заканчивая услугами переводчика, ремонтом компьютера и даже автомобилем.

Процесс дарения выглядит следующим образом. Даритель публикует информацию о своём даре и месте его нахождения. Те же, кому вещь нужна, отмечаются в желающих дара, поясняя, почему им эта вещь нужна в данный момент. После этого даритель анализирует формулировки желаний и профили желающих и выбирает того, кому, на его личный взгляд, даримая вещь пригодится больше всего, затем он договаривается с этим человеком о встрече и передает ему свой дар. За полученную в дар вещь принято писать публичную благодарность, чтобы удостоверить окружающих, что дарение действительно произошло и принесло пользу одариваемому. Процесс дарения

регулируется принятым в сообществе кодексом поведения. Так, помимо всего прочего, в кодексе сказано, например, что считается позором просить или предлагать что-то в обмен, или там же говорится, что считается неправильным взывать к жалости дарителя, ставя его в ситуацию, когда ему будет неудобно свой дар не пообещать и т.п.

На Дару-даре оказалось возможным создать все необходимые условия для того, чтобы тысячи людей смогли с удовольствием дарить друг другу свои вещи и услуги, как это возможно было до этого только в кругу очень близких людей. Фактически была создана особая социальная среда дарения, в которой оказались возможными во множестве поступки безвозмездного дарения незнакомым людям. В статье мы рассмотрим устройство социальной среды дарения, какие рефлексивные процессы протекают в этой среде, как они создаются и стимулируются.

Дару-дар - это социальная среда. Под социальной средой мы понимаем набор определенных условий, увеличивающих вероятность проявления определенных событий в человеческом обществе. Например, популярность бизнесов определенной направленности часто является не только следствием экономической обусловленности данной территории, но и следствием воздействия той социальной среды, в которой существуют создающие эти бизнесы люди. Под рефлексивными процессами социальной среды мы понимаем такие процессы, с помощью которых существующая среда изменяется, развивается, совершенствуется, взаимодействует с другими средами. Например, принятие одних законов и упразднение других в данной области жизни общества является примером рефлексии определенной среды и способами её изменения, а также способами взаимодействия этой среды с другими средами.

Начнем с того, что Дару-дар вводит в коллективное пользование свой язык. Ключевым словом в этом языке выступает слово “дар”. В языке Дару-дара слово “дар” связано с повседневной деятельностью, соразмерной обычному человеку. Этим словом называют все вещи, которыми каждый человек может поделиться с другими без всякого ущерба для себя, не оставаясь в убытке.

С помощью этого слова была проявлена некоторая ранее сокрытая реальность, доступная при желании каждому. Если ты сумеешь в слово “дар” вложить вышеуказанный смысл, ты сумеешь и подарить все то, что с этим словом связывается. Слово “дар” спровоцировало появление и других, производных от него слов, сформировав особый язык: даритель, желающий, одариваемый, предложить в дар, пожелать в дар, поблагодарить, благодарность и др.

С другой стороны, слово “дар” было противопоставлено в повседневном языке слову “подарок”, ассоциирующемуся у всех

прежде всего с актами дарения по определенному случаю или поводу. Дар же предполагает, что для акта дарения необязательно иметь повод, ***достаточно осознать (пробудить рефлексию)***, что у тебя есть то, чем ты можешь поделиться с другими, и еще нужно твое желание сделать хороший и добрый поступок.

Дарударовский язык, которым начинают пользоваться тысячи людей, создает в коллективном сознании пространство для осознания возможности дарения и личного участия в нём. Без подобного языка подобного осознания было труднее достигать. Ведь одно дело, когда ты сам лично приходишь к осознанию возможности бескорыстных поступков, и совсем другое дело, когда ты понимаешь, что в языке, которым пользуются многие, это осознание тоже есть, а значит и твое возможное поведение уже одобрено другими.

Дару-дар как сервис предлагает определенный сценарий, которому надо следовать, чтобы отдать что-то в дар. Упрощенно этот сценарий состоит из следующих шагов:

- Предложение своей вещи или услуги в дар в форме текста и фотографий.
- Изучение всех тех, кто дар пожелал, выразив в тексте свою просьбу.
- Выбор желающего в качестве одариваемого и обещание ему своего дара.
- Организация встречи с одариваемым и передача ему своего дара.
- Получение благодарности за свой дар в форме текста и фотографий.

При этом, выполняя данный сценарий надо придерживаться определенного кодекса поведения, который указывает на недопустимость определенных действий и желательность других, например:

- Не проси и не предлагай ничего в обмен.
- Не торопись обещать свой дар, но и не затягивай с этим.
- Не отдавай свой дар первому попавшемуся.
- Не устраивай очереди за даром.
- Не попрошайничай и не клянчи.
- Благодари за дар, который тебе отдали.

Воспользовавшись сервисом безвозмездного дарения, человек убеждается на своем личном опыте, а также на примере других участников, что безвозмездное дарение незнакомым людям, возможно, приносит пользу и удовольствие, если соблюдаются определенные социальные ритуалы взаимодействия и не нарушаются определенные принципы. Он сохраняет знание о том, что подобные отношения допустимы и не противоречат здравому смыслу, и в дальнейшем

обязательно повторяет дарение в той или иной форме, с помощью сервиса или вне его. Полученный опыт передается дальше, следующим людям, как новым участникам сообщества, так и людям, в сообществе не состоящим. Так возникает новая коллективная практика - дарить свои вещи и услуги безвозмездно, воспринимать это как хорошую и полезную традицию.

А в обществе формируется коллективное ощущение реальности и естественности дарения, которое воспринимается как данность, как правильность, а не как исключение из правил. Люди начинают доверять друг другу гораздо больше, уменьшается их страх неопределенности и незащищенности перед миром, им легче находить общий язык и взаимопонимание, помогать и поддерживать друг друга, проще участвовать в совместных делах.

Само по себе долгосрочное существование проекта Дару-дар служит всему обществу наглядным примером того, что вещи и услуги между людьми могут перемещаться не только по принципу обмена, но также и по принципу дарения. Подобный живой пример создает в коллективном сознании еще одну, альтернативную, возможность человеческого взаимодействия, которая раньше если и осознавалась, то лишь теоретически (теории коммунизма), или же мыслилась не в таких больших масштабах (в рамках узких кругов знакомых и друзей), или же имела несколько иное смысловое измерение (в формате благотворительности, например).

Как минимум, эта наглядная возможность должна способствовать увеличению числа повседневных безвозмездных поступков, производимых людьми, которые знают о Дару-даре и поэтому осознают реальность и вероятность подобных отношений между людьми. Как максимум, доказанная практикой возможность существования такого проекта как Дару-дар создает реальность совершенно других проектов, строящихся точно также из предпосылки взаимодействия и сотрудничества людей на безвозмездной или благодарственной основе.

Например, видится всё более вероятным появление проектов, основанных на социальной практике благодарственных платежей. Когда многие продукты предоставляются бесплатно, а человек волен оплачивать их из расчета “заплати, сколько захочешь”, т.е. исходя из того, насколько ему данные продукты или услуги действительно принесли пользу, а также из возможностей своего личного бюджета. Как только плотность среды безвозмездного дарения достигнет определенной критической точки, появление подобных проектов станет очень вероятной реальностью.

С помощью интернет-сервиса darudar.org начали взаимодействовать тысячи людей, незнакомых друг с другом в их повседневной жизни.

Регулярное взаимодействие, выстраивающееся вокруг разделяемых всеми сценариев дарения, привело к образованию онлайн-сообщества дарителей. Онлайн-сообщество дарителей, а также интернет-сервис, с помощью которого это сообщество взаимодействует, порождают среду безвозмездного дарения. Чтобы понять, каким образом эта среда поддерживается, было бы правильным рассмотреть, как устроено сообщество, являющееся непосредственным носителем и распространителем новой социальной среды.

Принцип прозрачности (публичности). В основу взаимоотношений на Дару-даре положен принцип максимальной прозрачности. Каждый поступок человека в системе записывается в его профиле: любой может увидеть, что ты дарил, кому и почему, что сам получал в дар, как при этом формулировал свою потребность, как писал благодарности за полученные дары. Такая прозрачность делает затруднительным злоупотребление доверием дарителей: невозможно только получать в дар, а самому при этом ничего не дарить, или получить в дар много одинаковых вещей, если ты уже на самом деле удовлетворил свою насущную потребность, или что-то получить в дар, чтобы затем продать это на другом ресурсе. Подобного рода попытки сразу же становятся очевидными для всех остальных и с тобой просто перестают иметь дело.

С другой стороны, прозрачность профиля позволяет человеку не забывать о том, что он сделал в сообществе, какую пользу уже принес. Создается личная история каждого участника, история его сопричастности с сообществом дарения. Каждый раз, возвращаясь в сообщество и глядя на свой профиль, человек вспоминает, что он уже сделал и видит, что он может сделать еще. Сообщество существует лишь постольку, поскольку участники сообщества регулярно воспроизводят деятельность, вокруг которой собственно сообщество образовалось. Подобная деятельность большинством людей выполняется, когда они видят, как другие её выполняют, когда они повторяют вслед за кем-то. Прозрачный профиль как раз позволяет увидеть, как поступают другие, что делают, и повторить вслед за ними, спровоцировав повторение в дальнейшем уже другими людьми. *Этот принцип актуализирует рефлексивные процессы, обеспечивая поддержку как индивидуальной, так и коллективной рефлексии.*

Принцип самоорганизации. В сервисе спроектированы инструменты, с помощью которых участники сообщества сами решают большинство проблем, неизбежных в любом большом сообществе людей. Например, в публикации каждого дара есть кнопка "Это - не дар", нажать на которую может каждый. При наборе определенного числа голосов публикация автоматически исчезает из общего доступа и

не засчитывается за дар дарителю. А рядом с каждым комментарием есть кнопка "Это - недостойный комментарий", доступная также каждому пользователю. Если человек пишет комментарии, противоречащие принятому на сайте "Кодексу поведения", и их засчитывают недостойными, то он лишается права писать комментарии, и все это видят.

Подобная система позволяет распределить нагрузку по управлению сообществом между максимальным числом людей и таким образом свести к минимуму издержки по администрированию системы. Недостойное поведение людей не наказывается абстрактной властью администрации, а неодобряется коллективным мнением всего сообщества, что в тысячу раз действенней для осознания недопустимости определённых действий. *Фактически реализуется механизм коллективной рефлексии.* Обладая всем необходимым набором инструментов самоорганизации, каждый участник проекта понимает, что от его личных усилий зависит поддержание благоприятной атмосферы внутри сообщества.

Дару-дар своим существованием доказывает, что для развития какого-либо процесса нужно предоставить людям максимальную свободу, однако создав при этом для них адекватную инфраструктуру взаимодействия друг с другом. Когда люди осознают, что от их личных усилий зависит многое, они активно включаются и начинают порождать процессы, самостоятельно усовершенствуя присущие любой системе недостатки и недоработки. Среда сама начинает порождать активности, не заложенные изначально при проектировании системы.

Так на Дару-даре появились в своё время «***добровольные почтальоны»*** - сообщники, которые сами взяли на себя задачу: упростить передачу даров между городами. Эти почтальоны собирают дары от разных пользователей и формируют из них одну общую посылку, с которой сами идут на почту и проходят все препоны неэффективно работающей государственной почтовой системы, экономя время, деньги и нервы других людей. *Фактически в среде рождаются новые механизмы коммуникации и соответствующие им рефлексивные процессы.*

Другой тип активности, самопорождённый внутри Дару-дара, связан с ролью «***смотрителей»***. Смотрители – это сообщники, добровольно взявшие на себя обязательство помогать соблюдать как формальные, так и неформальные традиции сообщества. Смотрители стремятся понимать всё, что происходит в сообществе дарителей, каждый раз отвечая на вопрос, как относиться к возникшей проблеме или ситуации, как поступать в том или ином случае, и делятся накапливаемым личным опытом с другими сообщниками. Есть сообщники, которые

активно участвуют в обсуждении того, как нужно улучшить сервис, какие функции в нем добавить, а какие изменить, чтобы дарить стало проще и приятнее. Есть сообщники, которые помогают новичкам освоиться с традициями Дару-дара, а также с неформально сложившимися нормами поведения и обычаями. *Возникновение смотрителей формирует механизм рефлексии над социальными нормами среды*, а также механизмы социализации новых участников, помогая им актуализировать адекватные представления о нормах среды.

В свое время во всех крупных городах, с большим числом участников, сама собой родилась такая форма активности как «**Общие встречи дарения»**. Люди договорились регулярно, каждую неделю, встречаться всем в одно и то же время для того, чтобы раздать все свои дары, обещанные за неделю. Это позволило каждому участнику вместо множества отдельных встреч, связанных как с передачей, так и с получением дара, приходить только на одну большую общую встречу, чтобы пересечься одновременно со всеми своими одариваемыми и дарителями. Очевидно, что таким образом экономится много личного времени и уменьшается вероятность не встретиться с тем, с кем договаривались.

Сам по себе кодекс, ориентируясь на который сообщество дарителей взаимодействует, создан не в виде четких и однозначных правил, которые нельзя нарушить, а в виде общих принципов, к которым следует стремиться каждому. Это позволяет сообществу самостоятельно, путем коллективных усилий, придавать конкретный смысл принятым в сообществе нормам поведения. Например, в кодексе есть пункт, касающийся того, как не следует высказывать свое желание дара: “Не испытывай жалость дарителя. Неприлично ставить человека в такую ситуацию, в которой у него не остается выбора, и если он не отдаст свой дар именно тебе, то поступит очень плохо с точки зрения морали и человечности”. Однако каждое конкретное желание засчитывается недостойным самими участниками сообщества - в зависимости от того, какова в сообществе принятая норма “жалостливости”.

РАЗГОВОР С ОТСТАВНЫМ СОВЕТОЛОГОМ

С.Н. Белкин

Главный редактор альманаха
«Развитие и экономика»,
писатель,
кандидат физико-математических наук

Темно грядущее... Пытливый ум людской
Пред тайною его бессильно замирает:
Кто скажет - день ли там мерцает золотой
Иль новая гроза зарницами играет?
С.Надсон, 1882

У меня в жизни было совсем немного доверительных разговоров с иностранцами. Встреч было много, а разговоров – нет. И не потому, что я замкнутый или застенчивый человек. Просто мой английский язык – а о других языках и говорить не приходится, - слишком беден, чтобы поддерживать серьезный, содержательный разговор. Так, несколькими общими фразами я перекинуться могу, но не более того.

Встреча и разговоры, содержанием которых я хочу поделиться, состоялись потому, что мой собеседник довольно хорошо говорил по-русски. Для пересказа я назову его Робин Джеймс. Он гражданин США, ему 75 лет, он «политический аналитик». Всю жизнь занимается Советским Союзом и Россией. «Советолог в отставке» - как он отрекомендовал себя.

Наше знакомство произошло зимой 2009-2010 года на пляже отеля в одной из стран Юго-Восточной Азии. Он первым захотел познакомиться, услышав русский язык, когда я разговаривал с женой. Первые дни встречались за завтраками и ужинами, а потом стали общаться и в течение дня, то лежа в шезлонгах у бассейна, то прогуливаясь по длинному пляжу Карон-Бич...

Узнав, что я писатель и журналист, Робин захотел рассказать мне то, что я ниже изложу. Он не скрывал, своей надежды, что я смогу это оформить в виде статьи и опубликовать. Робин испытывал симпатию к

русской культуре и неплохо был с ней знаком. Неудивительно, что он знал и любил Чайковского и Толстого, Достоевского и Рахманинова... Неожиданным было то, что он очень высоко ценил «советский проект» и считал, что его утрата – величайшая потеря для всего человечества. Более всего его удручало то, что он лично приложил руку и к развалу СССР и к инициации последующих процессов, приведших, как он справедливо считал, к угасанию русской культуры.

Я сдержанно соглашался с ним. Сдержанно – потому что не люблю говорить о бедах и проблемах своей страны с иностранцами. Это наша боль и я могу полноценно переживать ее с близкими людьми, выстрадавшими все то же, что и я. Но Робин, похоже, огорчался искренне и столь же искренне хотел высказаться, облегчить душу, что ли... Наряду с его исповедями, в которых было немало интересного, например, его участие в войне во Вьетнаме, или история его «русской любви», но которые я пересказывать пока не собираюсь, он просил запомнить и рассказать другим его прогноз-предостережение о будущем России. Что я и делаю, формулируя по памяти то, что удалось запомнить.

Многое из того, что говорил Робин хорошо известно и тщательно исследуется нашими аналитиками и публицистами. Но кое-что показалось мне новым и, в то же время, важным. Так это или нет – судить читателям. Я же свой долг исполнил и, мне кажется, это стоило делать.

Итак, вот мое изложение...

То, что современное положение США очень неустойчиво, общеизвестно. Об этом пишут много. Среди очевидных факторов называют огромный внешний долг, избыточную и плохо контролируемую эмиссию долларов, осуществляемую ФРС, растущую мощь Китая, непомерные амбиции США, охватывающие слишком многие регионы, бесконечные военные операции и т.д.

Столь же много говорят и об идущей трансформации мира, о глобализации. То, каким образом США смогут разрешить свои проблемы, – самая актуальная тема прогнозов. В СМИ обсуждаются разные варианты возможных стратегий: мировая война, локальные конфликты, столкновения исламского мира с Китаем, дальнейшее расчленение России с запуском бесконечного, но управляемого хаоса и т.д. Робин Джеймс посвятил меня в еще один, ранее мне не встречавшийся вариант развития событий. При этом он утверждает, что именно эта стратегия реализуется всерьез. Все остальное – отвлекающие маневры или домыслы.

Этот проект давно находится в стадии реализации. Первый акт мистерии по переустройству мира состоял в уничтожении СССР. При этом подчеркивал Робин, должна была решаться главная задача: дискредитация способа жизни, модели развития, предложенной СССР и его сателлитами. Вовсе не экономическая или военная угроза исходила из СССР. Даже в самые лучшие для Советского Союза времена армия США справилась бы с советской военной угрозой, хотя, конечно, военная мощь СССР еще не исчезла и задача по ее ликвидации по-прежнему актуальна. Про экономический фактор можно вообще не говорить: весь Восточный блок – только рынок потребления, но никак не конкурент. Опасность представляло распространение идеологии, точнее – модели развития – чуждой американским ценностям и англо-саксонскому способу жить и управлять народами. Распад СССР и последующая деградация нужны для того, чтобы умертвить не только модель развития, но и саму способность мыслить в подобном направлении.

Вторая задача Америки – вполне традиционная – это контроль над развитием Европы. Европа, в отличие от России, не представляет угрозы как альтернативная модель развития. Ее угроза в экономической конкуренции. США и Великобритания дважды притормаживали экономику европейских стран с помощью мировых войн. Но технологии совершенствуются: сегодня можно добиваться лучших результатов более гуманными методами. Суть нового подхода в том, чтобы обеспечить как удовлетворение политических и национальных амбиций европейских стран и народов, так и не дать им чрезмерно успешно развиваться. Хороший способ контроля над скоростью развития – подарить им проблемы. Причем не навязать их подло исподтишка, а вручить им в руки именно то, чего они хотят. Не понимая при этом, что получат не выгоду, а обузу. Речь идет о странах Восточной Европы – жутком троянском коне, вобрав который Старая Европа будет тащить их как чемодан с оторванной ручкой. При этом все эти бывшие «страны народной демократии» будут самыми верными, хоть и мелкими, шавками Америки. Именно Америки, а не своей «новой родины» – Европы. Так что вторая задача – создание Евросоюза и вовлечение в него балластных стран. Она решена. Европа теперь надолго выключена из конкуренции с США, однако сохраняет при этом возможность к контролируемому развитию, сберегая для всех нас образцы великой мировой культуры.

Третья задача – сохранение и укрепление контроля за нефтеносными мусульманскими районами. В этом вопросе после уничтожения такого центра силы как СССР и последующего политического и финансового контроля над Россией, особых сложностей нет. Одни политические

режимы будут сменять другие, неустанно и агрессивно ведя поиск черной кошки в темной комнате, которой там к тому же нет. Эти страны погружены в управляемый хаос, и пока этой технологии управления вполне хватает. Тем более что решению задач способствуют религиозные особенности региона: ислам легковоспламеняющаяся и взрывоопасная субстанция.

Четвертая задача – Китай. Это наиболее сложная задача из всех, какие приходилось когда-либо решать Америке. Ни одна из ранее применявшихся технологий не оказывается эффективной. Китай потребовал создания новых политико-экономических инструментов и коррекции некоторых фундаментальных принципов существования англо-саксонского мира. С Китаем придется еще долго считаться, сегодня обеспечить требуемый контроль над его развитием не удается. Как сказал Робин, «пришлось придать гибкость нашим основополагающим доктринам и извиниться перед Джеймсом Монро и Джоном Куинси Адамсом». Речь не идет, конечно, о допущении колонизации США кем бы то ни было, но речь идет о допущении периода экономического квазисимбиоза, «сосуществования двух систем». При сохранении, однако, высших уровней управления в руках США. Сейчас все наблюдают неуклонный рост экономики Китая, весь мир потребляет продукцию это мировой фабрики и нарастает беспокойство: а не поглотит ли Китай их страны и народы, не станет ли Китай новой мировой империей? Четвертая задача США состоит в том, чтобы этого никогда не произошло. Инструментами и факторами этого остаются и политическое лидерство англо-саксонской модели развития, и мировая финансовая система, и технологическая, энергетическая и сбытовая зависимость Китая от остального мира. Задача США состоит в сохранении этих зависимостей и в управлении ими. Потому что период «сосуществования» должен быть завершен полной победой США. А суть победы в том, чтобы все развитие и весь регресс на планете управлялись в соответствии с целями тех, кто способен это делать. Условно этот «центр управления» называется США.

Россия же – до поры до времени – будет искать «свой путь». И, когда понадобится США, она его получит. Судьба России лежит в русле решения последней, четвертой задачи и, частично, задачи энергетического управления. «Частично», потому что в своих основных параметрах энергетическая задача уже решена. Роль России в организации управления развитием Китая состоит в том, чтобы а) не стать Китаем, б) контролировано и дозировано поставлять в Китай сырье для производства продукции, и в) оставаться самоокупаемым рынком потребления: Россия должна возвращать как минимум столько, сколько расходуется на ее существование. Этот процесс запущен и идет

полным ходом. Сейчас у США нет проблем с Россией. Мелкие противоречия – следствие политических атавизмов, присущих политической элите США и некоторым слоям российского населения. Это скоро пройдет.

Сегодня Россия не является суверенной страной. И никогда уже ей не станет. У нее нет главного: собственной модели развития. А в рамках чужой модели Россия как суверен существовать не может. У нее нет для этого экономических конкурентных преимуществ. Она не может даже контролировать цены на вывозимое с ее территории сырье и продукцию первого передела. А другой продукции у нее просто нет. У нее нет даже механизма управления курсом «собственной» валюты – что есть, скажем, у Китая и что делает его не полностью управляемым. Россия как субъект международного права существует лишь постольку, поскольку это никому пока не мешает. И, более того, позволяет сей факт использовать как «действующий макет суверенного государства» там, где это нужно. Но пройдет некоторое время – лет, видимо, двадцать – и наступит срок Великого Объединения: США объявит Россию частью конфедерации. Рабочее название этого объединения - Северное Содружество Наций (ССН) или по-английски North Commonwealth of Nations, NCN, или «Эн-Циан» – как «по химически» прочитывал аббревиатуру Робин. В него также войдут Канада, Мексика, Украина, Беларусь, Казахстан.

Робин отметил, что у этого проекта довольно долгая история. Еще в послевоенные годы в США была мощная группа, лидером которой был сам Рокфеллер, выступавшая за создание трёхсторонней комиссии для осуществления постепенных попыток слияния экономик США и СССР. И такая комиссия существовала, действовала. Задуманное (и теперь уже создаваемое) Северное Содружество Наций станет весьма могущественным и благополучным государством. Будут проложены дороги через Чукотку и Аляску – они уже давно спроектированы. США, Канада и Россия будут нависать над всеми миром. «Эн-Циан» возьмет в клещи Европу – и ей от этого станет только лучше: они смогут-таки реализовать свою модель «устойчивого развития». «Эн-Циан» установит полный контроль над Центральной Азией, над «Хартлендом» – а, значит, и над всем миром! Сегодня это не удается сделать никому: СССР упустил свою возможность, а США пока не справляются с проблемой. Китай будет окружен и управляем, все пути к источникам сырья и рынкам сбыта будут контролироваться ССН. И китайская фабрика заработает в заданном извне ритме. Исламский нефтеносный мир находится под контролем уже сегодня, а в будущем этот контроль усилится. Они будут столько, сколько нужно ссорится

друг с другом и строить планы собственного «Великого Объединения» – но это никогда не произойдет.

Вот, собственно, краткое изложение того, что рассказал мне «отставной кремленолог» Робин Джеймс. Возможно, – даже наверняка – для кого-то из читателей в сказанном нет ничего нового. Но я и не претендую на сенсационную новизну, равно как, кстати сказать, и на достоверность изложенного: не в том смысле, что я переврал Робина, а в том, что Америка действительно руководствуется подобным планом. Этого я не знаю, но косвенно многое подтверждается.

Меня, как я говорил, гораздо более заинтересовало то сожаление, которое явно выражал Робин. Ему этот план не нравился. Точнее – не вполне нравился. Я же, кстати говоря, не испытывал подобных сожалений. Мне не казалось, что стать частью мощного союза государств, стать частью «золотого миллиарда» так уж плохо. Мне казалось, что остальные перспективы гораздо хуже. Россия сейчас слаба, ее могут развалить на мелкие конфликтующие квазигосударства: я помню все эти «проекты» типа «Казакия» или «Идель-Урал», да и про американский «Закон о свободе для России и новых независимых государств» от 1992 года не забыл. Стать Китаем меня тоже как-то не привлекает. Так что план, вроде бы, и неплохой. Во всяком случае, он лучше многих других, в которых России уготована роль просто раздербаниваемой добычи.

– Так что же – спросил я, – Россия станет членом этого пресловутого «золотого миллиарда»?

– Ну, не сразу, – ответил Робин, – Как говорил ваш Хрущев: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»? Так, конечно не будет. Адаптация России и, главное, самих русских к равноправной и полноценной жизни в Содружестве «золотого миллиарда» займет свое время. Сколько? – Не знаю... Опыт покажет.

Я, конечно, понимал, что есть в этом проекте и издержки. Например, говоря об объединении стран и народов, я усомнился в безболезненности подобного процесс. «Мы – коллективисты, а вы – индивидуалисты, – говорил я. – Мы видим, как это столкновение болезненно на собственном примере. Наши «индивидуалисты», наши «либералы-западники» через колено ломают русскую ментальность, унижают традиционные ценности и это весьма болезненный процесс, чреватый чуть ли не гражданской войной».

Робин засмеялся и ответил примерно следующее.

– Ваши «западники» – закомплексованные идиоты. К тому же клептоманы. К тому же – лакеи-клептоманы. Они не знают ни самих

себя – что естественно, ни русский народ – что противоестественно, ни американцев – что просто глупо. Начну с американцев. Во-первых – это самый коллективистский народ в мире. Ни один народ не способен к такому объединению вокруг единых ценностей, вокруг общей мечты и цели. Разговоры об индивидуализме американцев – чушь, распространяемая болтунами. Мы индивидуалисты в личностном росте, но мы коллективисты в общем деле. Посмотрите на Америку и на ее место в мире: этого индивидуалисты сделать не могут. Индивидуалисты вообще ничего сделать не могут. Только украсть или убить. Ваш Великий СССР сделали коллективисты и нашу Великую Америку сделали коллективисты. Такие результаты достигаются не простым сложением усилий, а благодаря кооперативным, синергетическим эффектам. Это метафизика, это сверхволя. У нас она есть. Вы ее утратили. И немцы ее утратили. Китайцы – не утратили. Индийцы – никогда ею не обладали и обладать не будут. Конечно, объединение России и США в общее государство не такая простая задача. Но если подойти к этому грамотно и неспешно, она решаема. В первый период, – который уже начался, – речь идет о союзничестве суверенных государств. Разговоры о «национальном интересе» и «особом пути» не должны пока прекращаться. Эта стадия может длиться долгое время, в ходе которого осуществляется полный экономический симбиоз не просто России и США, а России и остального мира (контролируемого США). В России вырастает поколение, чувствующее себя естественной частью «цивилизованного мира»: у них общий интернет, общие компьютеры и программы, общее кино и телевидение... Они прилично говорят и понимают по-английски, им доступна Америка: они свободно туда приезжают, могут там работать и т.д. У них сформируется раппорт на сигналы, исходящие из американского общества. Это во многом уже произошло. Причем это никогда не произойдет между Россией и Китаем и даже между Россией и Европой. В случае с Китаем это не произойдет по глубинным ментальным причинам. А также потому, что Китай этого делать не станет, да и не умеет. Европа тоже не может сформировать подобную связь с коллективным подсознанием россиян, потому что она сама продолжает оставаться расколотым, искусственным сообществом. У Европы нет ни языка для формирования раппорта, ни образа. А у Америки все это есть.

Я спросил: «А сохранит ли при этом Россия свой язык, культуру, религию?»

Я считаю, – ответил Робин, – что следует это сохранять... Мы же не обиженные прибалты. Это никому не мешает, это умиротворяющее

средство, да это и высокая ценность. Это фактор нашей общей капитализации, наш актив. Наличие второго языка не помеха. Это вопрос технологии обучения. В Америке живут, например, миллионы испаноязычных граждан. Нельзя сказать, что в этой связи нет никаких проблем, но нет проблем не решаемых. Должен, правда, сказать, – добавил он, – что по этому вопросу в экспертном сообществе имеются принципиальные разногласия. Одни считают, что, говоря упрощенно, русских надо превратить в американцев «полностью», то есть целенаправленно привить им американскую ментальность. Это сродни генной инженерии, когда в генную структуру одного вида, встраиваются фрагменты генома другого вида и, вместе с этим, передаются определенные свойства. Я не сторонник такого подхода, хотя не отрицаю, что это возможно. Я считаю, что сохранение определенного культурного разнообразия в пределах новой Великой Империи только на пользу. Надо не изменять культурный код покоренных народов, не ассимилировать их, а лишь слегка подкорректировать иерархию ценностей. Не менять всю систему ценностей, а лишь чуть-чуть переставить ценности местами. Например, повысить в русских значимость материального комфорта, денежного благополучия. Понизить ранг метафизически воспринимаемой справедливости как некоего высшего мерила и т.д. Это интересная задача: тонкая модификация отдельных параметров социокультурного кода нации... Целью, однако, непременно станет и вот еще что: достижение неспособности к построению и, главное, попыткам воплощения, альтернативных парадигм жизнеустройства. Америке уже известна идеальная парадигма жизнеустройства, и только она должна существовать в мире. Вот это, Сергей, меня и огорчает больше всего...

– Не понял, - что именно? – спросил я. – То, что русских больше не будет?

– Ну, конечно, если русских больше не будет – это плохо само по себе. Но гораздо хуже для всего человечества, это то, что исчезнет, возможно, последний, народ на земле, способный породить и воплотить в жизнь альтернативную модель развития. А ведь именно она может быть единственным спасением, когда начнут исчерпываться природные ресурсы, когда Земля станет мстить за то, что мы с ней сделали... Мы, англосаксы, можем покорить весь мир. Но мы можем его и уничтожить. Я бы даже сказал жестче: мы не можем его не уничтожить, если кто-то не будет препятствовать. И этот «кто-то» - Россия.

С той встречи прошел год. То, что я вижу в политике и экономике России очень напоминает подготовку к «слиянию и поглощению». Недавний визит вице-президента США Байдена, его слова и взгляд

нашего Президента окончательно подтолкнули меня к написанию этих заметок. Думаю, от них хуже никому не будет...

-=-

Странное дело: мне «предлагают» светлое будущее, а я все что-то рефлексирую, все чего-то тревожусь. «Над ним струя светлей лазури, ...а он, мятежный, ищет бури...». Внутри себя я вижу глаза моих покойных родителей, вижу глаза фронтовиков и их вдов... Почему их глаза грустны? Разве они боролись не за светлое будущее? Не за удобную, комфортную, мирную жизнь? Разве не ради этого они прожили аскетичные жизни, гордясь и веря, радуясь и терпя, видя и мудрость и глупость правителей? Неужели все дело именно в «полете наших птиц»? «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Ведь в сказке есть не только молочные реки и кисельные берега, но и победа добра над злом, есть героизм. «В жизни всегда есть место подвигу», «жизнь прожить надо так, чтобы...», – это что, засевшая в подсознании пропаганда, которую вместе со мной не жалко выбросить на свалку истории, или это просто одно из словесных выражений неизменной сути, передающейся от поколения к поколению?

...Помню, как звучал Вальс-фантазия Глинки, исполняемый оркестром в парке одной из европейских столиц. Было приятно: и от хорошей музыки и от того, что «это наша музыка». Но насколько всеохватным становится этот вальс, когда он звучит в Большом зале Московской консерватории, а я сижу в последнем ряду второго яруса амфитеатра, на дощатой скамье у самой стены и всеми телами своими ощущаю каждый миг последних двухсот лет жизни моей страны...

10-12 марта 2011 г.

80 лет Владимиру Петровичу Зинченко

РАССКАЗЫ О ЗИНЧЕНКО

В.А.Лефевр

Все знают, что В.П. Зинченко - выдающийся ученый и мыслитель. Здесь я хочу написать о нем как о человеке.

Рукопись

Март, 1955 год. Я ученик десятого класса обычной московской школы. Теперь я понимаю, что наша школа была привилегированной. Чтобы добежать от школы до Кремля сильному мальчику требовалось четыре с половиной минуты. Со дня смерти Сталина прошло два года. Оттаивают сердца. На моей парте лежит рукописный текст. На обложке написано В.П.Зинченко. Дело было так. Учителем логики был Георгий Петрович Щедровицкий. Нам, его ученикам, казалось, что он знает какую-то глубокую тайну, которая хранится в его туго набитом портфеле. Он запретил нам приносить в школу стандартный учебник логики и на каждом уроке выдавал нам два-три листка написанного им текста. Как-то я рассказал Щедровицкому, что уже два года самостоятельно произвожу психологические эксперименты. Меня интересовала точность, с которой люди могут воспроизводить углы. Я даже открыл синусоидальный закон распределения ошибок, который был открыт в Америке примерно в то же самое время. Внимательно меня выслушав, Георгий Петрович очень отчетливо произнес:

- Я знаком с самым крупным в мире специалистом по психологии восприятия. Я попрошу его написать для тебя текст по интересующим тебя вопросам и указать литературу.

Через неделю Щедровицкий принес мне текст, написанный Зинченко. Так я заочно познакомился с Владимиром Петровичем, одним из самых отзывчивых и доброжелательных людей, которых я знаю.

Минитмен

Прошли годы. Мы с Владимиром Петровичем работаем в “почтовом ящике”, в котором создаются сложные радиоэлектронные системы. Зинченко со своей лабораторией занимается инженерной психологией, а я вместе с В.Е.Лепским, П.В.Барановым и А.Ф.Трудолюбовым - рефлексивными системами. Отделом, к которому мы принадлежали, руководил Д.Ю.Панов. Это был очень интеллигентный человек с белым лицом и белыми пальцами.

Шел 1967-й год. Обстановка в мире была зловещей. Советский Союз и США создавали системы ракетных комплексов, направленных друг на друга. В Америке подходила к концу разработка ракетной системы Минитмен. В «Правде» периодически появлялись кровожадные статьи. Однажды нас с Зинченко вызвал к себе Панов. Своими белыми пальцами он выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда папку и раскрыл ее.

- Это схема запуска американских ракет Минитмен.

Мы с Зинченко были потрясены. Дело в том, что схема запуска является наиболее секретной частью всей системы. Если она вдруг попадает к противнику, то хранится под грифом секретности “особой важности”, а не лежит в комнате без специальной охраны.

- Не волнуйтесь, - сказал Панов. - Эта схема не является секретным документом. Это не добыча наших агентов. Американцы опубликовали ее в открытой печати. Вот тут и возникает проблема: зачем американцы опубликовали этот материал?

Панов дал нам копию схемы. Вернувшись к себе, мы начали ее изучать. Оказалось, что на финальном этапе запуска ракету нельзя отправить в небо нажатием одной кнопки. Нужно нажать одновременно на две кнопки, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга. Сделано это для того, чтобы один оператор, нажав на кнопку, не мог добежать до второй кнопки и, убив второго оператора, нажать на нее. Мы пришли к выводу, что американцы хотели показать нам, как бороться с несанкционированным запуском. Своей публикацией они ясно сформулировали эту проблему.

Теперь, прожив в Америке почти сорок лет, я не уверен в правильности нашего вывода. Скорее всего, эта статья была направлена на внутреннюю американскую аудиторию, чтобы показать населению, на что правительство тратит деньги налогоплательщиков и сколь безопасна военная продукция в мирное время.

Девушка и самиздат

В лаборатории Зинченко работала машинистка Аня. Она была худенькой, у нее было прозрачное личико и огромные голубые глаза. Аня носила светлые длинные платья и казалась гостьей, пришедшей к нам из девятнадцатого века. Она была всеобщей любимицей. Работала Аня очень быстро, поэтому у нее оставалось время печатать и “для себя”. А печатала она самиздат. Окружающие это хорошо знали и часто брали у нее самиздатские тексты почитать. Соседней лабораторией руководил человек, которого я назову Иван Иванович. Это был добрый, полный, выпивоха и турист. Его любили сотрудники. Аня иногда печатала материалы и для Ивана Ивановича. Однажды, когда он зашел к ней, Аня протянула ему листок с текстом.

- Смотрите, Иван Иванович, какая прелесть! - воскликнула она. - Это стихи Пастернака из романа “Доктор Живаго”.

- Так-с, - сказал Иван Иванович и вышел из комнаты.

Через пятнадцать минут группа из пяти сотрудников Первого отдела нагрянула в лабораторию Зинченко. Все было перевернуто. Искали рукописи. К счастью, ничего, кроме Пастернака, не обнаружили. Владимир Петрович делал все возможное, чтобы погасить скандал, взять вину на себя и защитить бедную Аню.

Тут необходимо пояснить специфику отношений между органами КГБ и организациями военно-промышленного комплекса. Эти организации в некоторых случаях оказывались сильнее и КГБ, и даже ЦК КПСС. Особенно силен был наш директор Семенихин. Однажды, когда сотрудники института пожаловались ему на утреннюю давку в метро, он добился того, что в окружающих наш институт организациях начало работы было перенесено на более раннее время.

Сотрудники КГБ, входящие в Первый отдел, работали в институте годами. Они, по существу, слились с обычными сотрудниками. Они вместе обедали и ходили друг к другу в гости. Местным сотрудникам КГБ было крайне неприятно проводить обыск “у себя дома” и они решили “сдать” доносчика, Ивана Ивановича, предав его имя гласности.

Через пару недель казалось, что все обошлось. Но это было не так. Однажды мне позвонил приятель, не работавший в нашем институте, и сказал, что срочно хочет меня увидеть. Оказалось, что он в курсе событий, которые происходят в лаборатории Зинченко. Он рассказал, что Иван Иванович был разъярен тем, что его имя было открыто, люди перестали с ним здороваться и отказываются ходить с ним в поход на байдарках. Поэтому Иван Иванович донес в районное отделение КГБ, что в институте проводится враждебная политическая работа, и что институт превратился в подпольную антисоветскую типографию. Я спросил своего приятеля, откуда ему все это известно. Он только засмеялся. Я понял, что должен действовать и немедленно все рассказал Владимиру Петровичу. Через пять минут он был в кабинете Семенихина. Удар по КГБ был нанесен уже следующим утром. Иван Иванович не смог даже войти в здание института, у него был аннулирован и пропуск и допуск к секретной работе.

Финал этой истории демонстрирует уникальный дар Владимира Петровича - умение убеждать. Ведь другого человека директор, возможно, не стал бы и слушать.

Поколение Октября

Мало кто знает, что Владимир Петрович Зинченко спас группу людей от верной тюрьмы. В конце шестидесятых в Москве была

создана лаборатория по исследованию систем. Ее возглавил замечательный ученый-изобретатель Побиск Кузнецов. Слово П-О-Б-И-С-К является сокращением фразы “Поколение Октября Борцов И Строителей Коммунизма”. Родители Побиска, сами того не ведая, дали ему имя трагического поколения. С начала войны - он в армии, командует взводом разведки, ранения; в госпитале спорит с соседом, что коробка передач советского танка плохо сделана, в результате попадает в лагерь; после смерти Сталина реабилитирован. Лаборатория Кузнецова занималась по-настоящему новаторскими проектами. Некоторые из них были связаны с инженерной психологией.

В 1970-м году началась массовая подача документов на эмиграцию в Израиль. С целью запугивания власти решили устроить большое “еврейское дело”. Выбор пал на лабораторию Побиска. Группу его сотрудников-евреев обвинили в хищении средств. Всем близким к лаборатории было ясно, что это дело сфабриковано. Побиск мужественно защищал своих сотрудников. Его арестовали, но потом решили не судить, а вывести из дела как “душевнобольного”. Тут сказались два фактора: во-первых, он не был евреем, а во-вторых, “он уже отсидел ни за что”. По логике органов того времени, можно было отсидеть заранее за еще несовершенное преступление. Некоторые сотрудники лаборатории были арестованы, другие вызывались на допросы и в течение многих месяцев ожидали ареста. Следователи их запугивали, говоря, что есть эксперт, который скоро даст заключение, что вся их работа “липа”, что они получали деньги, не выдавая никакого реального продукта. Одному из подследственных удалось подсмотреть имя эксперта. Им оказался Зинченко. На следующий день в 6 утра я уже входил в квартиру Владимира Петровича.

- Я знаю, зачем ты приехал, - сказал он. - Ты заботишься о моем экспертном заключении по поводу твоих друзей. Можешь не беспокоиться. Я его уже написал. Следователи давили на меня, чтобы отзыв был отрицательным, однако я написал его подчеркнуто положительно. Я не мог поступить иначе, глядя на всю эту вакханалию антисемитизма.

После того как следствие получило заключение Зинченко, допросы прекратились, и большинство подследственных было освобождено.

Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – 240 с.
http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf

АННОТАЦИЯ

В контексте средового подхода проведен анализ онтологических, методологических, аксиологических и праксеологических аспектов инновационного развития социальных систем с учетом идей постнеклассической науки. Выявлены признаки и последствия недооценки роли средового подхода в инновационном развитии и модернизации России. Проведено соотнесение представлений о средовом подходе с проблематикой синергетики, сложности, гуманитарной математики, методологии инновационного подхода, экономики знаний, стратегического проектирования и стратегического аудита. Рассмотрены методологические основы стратегических рефлексивных игр как механизма формирования саморазвивающихся инновационных сред. Разработаны предложения по институционализации суциогуманитарного подхода к организации саморазвивающихся инновационных сред. На примере США проанализирован опыт создания сред инновационного развития и возможности его использования в России.

Сборник статей представляет интерес для специалистов из гуманитарных, естественнонаучных и технических областей знаний, ориентированных на проблемы инновационного развития, для студентов и аспирантов, а также для широкой аудитории управленцев-практиков.

ОТЗЫВ ЧИТАТЕЛЯ

Проблема инноваций в разных сферах (технологической, управленческой, социальной и др.) является актуальной не только для России, но и для других стран постсоветского пространства. В значительной мере это обусловлено менталитетом, общественным сознанием, сформировавшимся за долгие годы. Мы согласны с мнением В.Э. Войцеховича, о преобладании консервативно-статической стадии мышления у политической и деловой элиты и недостаточном осознании важности постоянного научно-технологического обновления. В данном контексте особую актуальность приобретает исследование социально-психологических

условий и механизмов изменения способа мышления, формирование понимания важности рационального использования интеллектуального и кадрового потенциала, ценности знаний. В связи с этим решение проблемы инноваций находится не только в экономико-технологической плоскости, но и предполагает философско-психологическое переосмысление, направления которого определяет субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. Анализ признаков и последствий недооценки средового подхода к инновационному развитию подчеркивает важность средовой парадигмы и ее значимость для междисциплинарных исследований.

Предметом описанного в сборнике цикла исследований выступает ряд явлений и процессов, которые наиболее точно и разнопланово отражают сущность инновационного развития и модернизации России. Круг вопросов и проблем, которые стали предметом размышлений в данной книге является достаточно широким: средовой подход, инновационное развитие, стратегические рефлексивные игры, конкурентоспособность, субъектная структура знаний и др.

Материалы сборника представляют оригинальную интерпретацию рефлексии в контексте инновационного развития общества и технологий управления. Особого внимания заслуживает проблема стратегических рефлексивных игр как механизма формирования саморазвивающихся инновационных сред, которая разрабатывается в исследованиях В.Е. Лепского. Автор показал качественные отличия стратегических рефлексивных игр от других видов игр для моделирования социальных систем с включением человека, а также их значение для стратегического проектирования в разных сферах.

Несомненным достоинством данного сборника является то, что в представленных исследованиях раскрыты как теоретико-методологические основы средового подхода, так и сфера его практической реализации, что, в свою очередь, способствует расширению направлений психологических исследований. Так, в статье А.Г.Макушкина поставлена актуальная проблема конкурентоспособности, в частности ее рефлексивно-психологическое толкование. Положительной характеристикой является тот факт, что представленные направления инновационного развития и модернизации опираются на содержательный анализ показателей социально-экономического развития страны.

Публикации сборника поднимают на новый уровень понимания субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию и открывают перспективы его научной и практической реализации.

Дметерко Н.В.
кандидат психологических наук, Украина

Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18-19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – 271 с.
http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic2011.pdf

АННОТАЦИЯ

Сегодня Россия пытается выйти из глубокого кризиса, охватившего политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Для качественного изменения ситуации нужны новые высокие гуманитарные технологии, а также проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития, что составляет суть ответа на вызов интеллектуальных сил страны.

Поэтому ведущие темы симпозиума связаны с социогуманитарными технологиями российского развития: организации рефлексивно-активных сред развития и сборкой субъектов развития. Интеграция этих технологий позволила разработать новые подходы к динамическому моделированию социальных систем на основе стратегических рефлексивных игр. Как и на предыдущем симпозиуме отмечается возрастание роли специалистов из области философии в решении методологических проблем организации российского развития.

Сборник материалов в основном отражает планируемые выступления на секционных заседаниях, материалы Круглых столов и Пленарных заседаний будут опубликованы в журнале «Рефлексивные процессы и управление».

Yordanka Dimova. Reflective Approach to Education / LAP Lambert Academic Publishing, 2011.- 120 p.

Это очень важная и интересная книга. В первой части дано сжатое изложение и сравнительный анализ основных современных концепций рефлексивной теории. Йорданка Димова сумела рассмотреть и подход аналитической философии, которая требует, начинать с ясного вербального описания некоторого процесса, перед тем как начать его формализацию, и российский подход, основанный на противоположном принципе: сначала проводится формализация, а затем строится описание, но не процесса, а модели процесса. Видимо желая подчеркнуть интернациональность проблемы рефлексии, она включила в свое рассмотрение ученых различных стран: Джон Дьюи, Лев Выготский, Владимир Лефевр, Георгий Щедровицкий, Дональд Шон.

Джон Дьюи (John Dewey), американский философ и психолог, большую часть своих работ посвятил проблемам обучения, что существенно для автора рецензируемой книги, направленной на анализ рефлексивного подхода именно к обучению. Димова отмечает, что хотя Дьюи недостаточно четко отделяет рефлексию от других когнитивных процессов, его взгляды важны для понимания роли рефлексии в практике преподавания.

“Лев Выготский, русский психолог, редко упоминал термин рефлексия в течении его короткой, насыщенной творчеством жизни.”- пишет Димова. “У него нет статьи, специально посвященной рефлексии. Несмотря на это, его точка зрения на этот феномен заслуживает специального внимания, поскольку она играет определенную роль в его оригинальной концепции формирования, развития и дезинтеграции высших форм сознания, так называемых высших психических функций.”

Владимир Лефевр, психолог и математик. Автор рассматривает мои работы, связанные с введением понятий рефлексивная система, рефлексивная игра и моделированием рефлексивных систем с помощью цепочки тепловых машин.

Таблица 1.

	Дьюи	Выготский	Лефевр	Щедровицкий	Шон
понятия, употребляемые в контексте с понятием рефлексия	мышление, рассмотрение	сознание, самоосознание, высшие психические функции	сознание, коммуникация	деятельность, коммуникация, мышление, сознание	мышление, практическая коммуникация
рефлексия это...	ментальный процесс, уровень мышления	культурно и исторически обусловленная высшая психическая функция, основа самоосознания	врожденная способность к сознанию, акт осознания	интеллектуальная функция, интеллектуальный процесс, понимание понимания	тип познания, умственный процесс, одной из форм которого может быть подсознание
носитель рефлексии	человек как думающее существо	индивид, обладающий сознанием	субъект: индивид, обладающий сознанием, группа, социальная организация	группа думающих индивидов, отдельные индивиды	практик. Группа практиков
рефлексия проявляется	когда появляются интеллектуальные трудности	в социальной среде	в процессе принятия решений, в сложных ситуациях коммуникации, в ситуациях конфликта	при разрыве деятельности, при трудностях в групповой деятельности, во время коммуникации	в проблемных ситуациях, в нестандартных и конфликтных ситуациях
результат рефлексии виден в ...	знании о знании и его практическом применении	осознанном знании о своем собственном внутреннем мире и о людях, с которыми происходит коммуникация	осознанных образах своего внутреннего мира и внутреннего мира других людей	знании о своем собственном мышлении, о качестве своей деятельности и о деятельности людей, с которыми вы взаимодействуете	знании о своем безмолвном знании и его практическом использовании
термины, выводимые из понятия “рефлексия”	рефлексивное мышление, рефлексивные действия, рефлексивный запрос		рефлексивные системы, само-рефлексивные системы, рефлексивное управление, рефлексивные игры	рефлексивный выход, рефлексивный ответ, рефлексируемая деятельность, рефлексирующая деятельность, рефлексивная деятельность	рефлексивная практика, рефлексивный практикум, рефлексивное мышление, рефлексивный разговор

Таблица 2.

Процесс	Сущность	Основные типы
Самовосприятие	Получение представления о себе (образ себя) на основе сознательного наблюдения за своим поведением и его влияния на “Мир”	негативное, нейтральное, позитивное
Самонаблюдение	Управлением образом “Я”, который представляется другим	сильное, слабое
Самоописание	Анализ своих чувств, мыслей, опыта и т.д. в форме самоотчета (в различное время - настоящее, прошедшее, будущее)	ретроспективный, текущий, ожидаемый
Самоопределение	Определение своего места в проблемных ситуациях в соответствии с собственными ресурсами (знания, умения, опыт, качества)	личное, социальное, профессиональное и т.д.
Самовыражение	Обмен сокровенными чувствами и мыслями с близкими людьми	частичный, полный
Самооценка	Ясная оценка своих мыслей, действий, эмоций и т.д.	реалистичная, нереалистичная, позитивная, нейтральная, негативная
Самопредъявление	Представление себя другим в благоприятном свете	осознанное, неосознанное
Самоконтроль	Сравнение внутренних целей с промежуточными или конечными результатами	совместимы, не совместимы
Самослежение	Наблюдение и контроль за своим поведением и представлением себя другим	высокое, низкое
Саморегулирование	Влияние “Я” на себя как на объект деятельности, коммуникации или самоосознания	осознанное, неосознанное
Самоуправление	Тип саморегуляции: управление представлением своего “Я”, направленное на трансформировании “Я” из одного состояния в другое	реактивный, рефлексивный, ситуативный и т.д.
Самоорганизация	Объединение личных качеств в систему, чтобы приспособить, стабилизировать, удовлетворить определенные потребности индивида	неосознанно-реактивный, осознанно-рефлексивный и.т.д.

Георгий Щедровицкий, русский философ. Описывая его точку зрения, Димова подчеркивает, что Щедровицкий считает исходным при анализе рефлексии понятие рефлексивного выхода в ситуации, когда появляется разрыв в деятельности. Рефлексивный выход соединяет два вида деятельности, рефлексируемую и рефлексирующую. Рефлексия, с точки зрения Щедровицкого, это связь, по крайней мере, двух видов деятельности.

Дональд Шон (Donald Shon), американский философ, рассматривал рефлексию как тип познания, как характеристику профессиональной практики и как общую интеллектуальную тренировку. Димова указывает, что Шон считал теоретическое знание не единственным, которое функционирует в сфере практики. Существуют практические знания, которые могут быть личными, ситуативными и т.д. Рефлексия есть познание, которое имеет свой собственный объект. И что самое важное, рефлексия превращает имплицитное знание в эксплицитное.

Обобщенные результаты своего анализа рефлексии Димова представила в Таблице 1.

Во второй части книги автор приводит разработанную ею систему понятий, связанных с рефлексией. Эта система приведена в Таблице 2. Она представляет большой интерес, особенно для специалистов, исследующих процессы рефлексии в обучении.

Димова великолепно знает литературу, связанную с исследованием рефлексии. В книге упоминается огромное число источников. Следует отметить, что большую помощь ей оказало знакомство со статьями, опубликованными в журнале “Рефлексивные процессы и управление”, основанным и редактируемым В.Е. Лепским.

Книга Димовой, ясная и глубокая, будет интересна философам, социологам, психологам и педагогам.

В.А.Лефевр, США

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

VIII Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление»

Симпозиум был проведен 18 – 19 октября 2011 года в Институте философии РАН с участием в его организации Института философии РАН, Института психологии РАН, Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Института экономических стратегий при отделении общественных наук РАН, Института рефлексивных процессов и управления, Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования, Российского фонда развития высоких технологий, Кафедры «Мировой политики» НИУ ВШЭ.

В симпозиуме приняли участие специалисты из России, США, Японии и ряда стран ближнего зарубежья. В отличие от предыдущих симпозиумов среди участников резко возросло представительство философов. Программа симпозиума была крайне насыщенной, за два дня кроме пленарного заседания были проведены два круглых стола и четыре секции.

Круглый стол 1 «Рефлексивно-активные среды инновационного развития Рефлексивно-активные среды инновационного развития».

Круглый стол 2 «Рефлексивный анализ сценариев российского развития».

Секция 1 «Рефлексивные аспекты организации саморазвивающихся сред». Руководители: Аршинов В.И., Лепский В.Е.

Секция 2 «Социогуманитарные исследования рефлексивных процессов». Руководители: Войцехович В.Э., Петровский В.А.

Секция 3 «Проблемы развития рефлексивных способностей». Руководители: Анисимов О.С., Семенов И.Н.

Секция 4 «Моделирование и поддержка рефлексивных процессов». Руководители: Малинецкий Г.Г., Малков С.Ю., Моисеев В.И.

На симпозиуме рассматривались старые и ставились новые вопросы, касающиеся векторов современного развития, обсуждалась роль субъектного подхода во всем комплексе наук и социальной практике, место рефлексивных технологий в продуктивном инновационном развитии. В центре внимания его участников находились две стратегически значимые темы: организация рефлексивно-активных сред для инноваций и сборка субъектов развития. С этим связано решение задач внедрения рефлексивных технологий в организацию социальных процессов, развитие рефлексивных способностей, а также моделирование и поддержка рефлексивно-активных сред в самых разных сферах современного социума.

В.Е. Лепский (Институт философии РАН) отметил, что в XXI веке развитие человечества все в большей степени переходит от эволюционного к проектному этапу, в связи с чем происходит и смена познавательной парадигмы: от каузального подхода (причинно-следственного) к телеологическому (целевая детерминация). Это формирует запрос на субъектно-ориентированный и рефлексивный подходы, дающих возможность сделать предметом исследований субъектные реальности, создать новые типы рефлексивных моделей (как формальных, так и «человекоразмерных»), на основе которых возможны разнообразные воздействия на субъектов (индивиды, группы и др.).

Мы становимся свидетелями и участниками сложнейших процессов сотрудничества и конфликтов субъектов реализующих разнообразные социальные мегапроекты. Чтобы разобраться в сложнейших хитросплетениях полисубъектных отношений в современном мире, нужна высокая культура рефлексивного мышления и системно-проектного подхода.

XXI век – это век социальной инженерии полисубъектных систем. Готова ли Россия к вызовам нового века? Сегодня явно нет. Только намечаются собственные стратегические ориентиры развития, зарождаются субъекты развития России, формируются адекватные новым проблемам различные виды обеспечения. В этих условиях остро встает вопрос о создании современного социогуманитарного обеспечения стратегического проектирования.

Современная наука оказалась не достаточно готова к бурным изменениям в мировом сообществе, обусловленным процессами глобализации и вступлением в эпоху «позднего модерна». Не готовы к ним оказались и управленцы. В результате в России практически разорвана связь между наукой и властной элитой. Отсюда актуальность проблемы поиска новых технологий динамического моделирования социальных систем, одновременно ориентированных и на сборку субъектов развития.

Важнейшая причина современного кризиса проблематики социального управления и развития связана с тем, что реальности, с которыми имеют дело конкретные субъекты, не наблюдаемы для классической науки. Игнорирование этих реальностей приводит к потере целостности социального управления и развития, его бессубъектности, культу примитивной рациональности, редукционизму к экономическим, информационным и другим представлениям.

При этом никоим образом не следует понижать роль формального (математического) моделирования. Меняется методология - головными в моделировании перестают быть математики, приглашающие ранее

социогуманитарных специалистов «прояснить» отдельные параметры своих моделей - головными становятся специалисты социогуманитарного профиля, которые приглашают математиков к встраиванию их моделей в базовый «социогуманитарный каркас» нового поколения моделей социальных систем.

В докладе ***А.Л. Журавлева*** (Институт психологии РАН, совместно с Н.Т. Нестик) отмечалось, что в отечественной социальной психологии рефлексивность как групповая характеристика была выделена в качестве одного из важнейших признаков группового субъекта, наряду с взаимосвязанностью членов группы и совместной активностью. За рубежом понятие групповой рефлексивности было введено в научный оборот М. Вестом, предложившим понимать под ней степень, в которой члены группы склонны к открытому обсуждению целей их совместной деятельности, используемых способов решения задач и групповых процессов, адаптируя их к ожидаемым изменениям внутренних и внешних условий. Групповая рефлексивность включает в себя критическое осмысление результатов деятельности, поиск новых путей решения задачи, планирование и анализ совместных действий, приводящих к новому и более глубокому пониманию членами группы сложившейся ситуации. Ее составляющими можно считать регулярность совместной оценки результатов деятельности и извлечения уроков, обсуждения целей деятельности и общих проблем, претворения в жизнь договоренностей, достигнутых во время анализа совместного опыта, запрашивания обратной связи по итогам совместной деятельности.

Групповая рефлексия осуществляется через межличностное и внутригрупповое взаимодействие, в котором содержание сознания одних членов группы становится доступным для анализа других. В групповой рефлексии участники совместной деятельности оказываются по отношению друг к другу «зеркалами» и «символическими орудиями» самоанализа, выполняя роль «резонаторов» и помогая друг другу увидеть себя с позиции своей роли в совместной деятельности. Во-вторых, содержанием групповой рефлексии оказывается образ «Мы» и коллективная судьба, то есть те характеристики группы и события, которые значимы для всех или большинства ее членов в силу их взаимной зависимости в прошлом, настоящем и будущем. В-третьих, групповая рефлексия тесно связана с процессами социального влияния и лидерством и несвободна от групповых эффектов, проявляющихся при совместных обсуждениях и обмене знаниями: поляризации, сдвига к риску, эффекта «общего знания», групповых защитных механизмов.

В.И.Аршинов (Институт философии РАН) отметил позитивное значение введения В.Е.Лепским понятия рефлексивно-активных сред развития в современный методологический обиход в качестве интегративного инструмента «сборки» стратегических субъектов, формирующих образ будущего России и воплощающих его в действительность. Предлагаемый подход, будучи сам по себе методологически инновационным, одной из своих отправных точек берет представления В.С.Степина о постнеклассической рациональности, опираясь, в частности, на его ключевой тезис о конструктивном расширении и усложнении сферы рефлексивной деятельности субъекта постнеклассической науки как одной из ее основных специфических характеристик. В этом контексте представляет интерес соотнести средовую концепцию Лепского с представлениями синергетики второго порядка или синергетики сложности. Понятие «сложность» естественным образом присуще синергетике, *сложностное мышление* ее основной атрибут. Это обстоятельство стало осознаваться в последние годы все более отчетливо так же в связи с осмыслением статуса синергетики в контексте вышеупомянутых представлений Степина о становлении постнеклассической науки. Однако отправная точка этого осмысления несколько иная. Конечно, синергетика изначально опиралась на понятие активных нелинейных самоорганизующихся сред. Этот акцент особенно характерен для отечественной школы синергетики, ярко представленной работами С.П.Курдюмова, Е.Н.Князевой, Г.Г.Малинецкого, Д.С.Чернавского. Тот факт, что такого рода среды являются также и сложностными средами при этом, конечно, подразумевался, однако был, что называется, не в фокусе рассмотрения. В русле этого подхода самоорганизующиеся среды рассматривались преимущественно в рамках концептуальной оптики, ориентированной на объект. Синергетика сложностного видения, будучи изначально ориентированной на темпоральность, процесс, эмерджентность, предполагает переключение когнитивного гештальта на дополнительный к объектному видению субъектный полюс постнеклассической рациональности. Именно в процессе этого переключения от объекта к субъекту, в котором субъект становится фигурой, а объект-фоном и происходит «встреча» синергетики со сложностью. При этом, следуя традиции естествознания 20 века, по аналогии с фигурой квантово-механического наблюдателя как коммуникативного агента-посредника неклассического этапа познания, можно говорить о *наблюдателе сложности* как субъект-объектном посреднике, погруженном в рекурсивно организованное междисциплинарное поле постнеклассической науки. И здесь мы, так

же как и в подходе Лепского, сталкиваемся с задачей «сборки» наблюдателя сложности.

Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий и С.А. Посошков *(Институт прикладной математики РАН)* определили роль образовательных инициатив в развитии информационного пространства России. Они также подчеркнули актуальность постановки В.Е.Лепским проблемы создания рефлексивно-активных сред инновационного развития, решение которой стимулируется попытками найти выход из «инновационного тупика», в котором находится новая Россия. В настоящее время в Министерстве образования и науки многие решения в области исследований и опыта конструкторских разработок принимаются, исходя из «либеральной инновационной теории». В этом подходе во главу угла ставятся экономический эффект от внедрения новых технологий, инновационные институты, соответствующие западным стандартам, а также обновление политической системы, которое должно дать простор частной инициативе. Практическая реализация подобного подхода в течение 20 лет показала его несостоятельность.

До последнего времени в фокусе внимания гуманитарных дисциплин были отношения «субъект-объект» и взаимодействие «субъект-субъект». Однако на рубеже XXI века все более важной становится динамика в системе «субъект-среда». Анализ такой динамики и положен в основу теории инновационных сред.

Кроме того, повторение пройденного в инновационной сфере на историческом переломе в период смены технологических укладов, во время глубокого мирового социально-экономического кризиса не имеет перспектив в России. Различные области исследований развивались в своем темпе, в разное время в них появлялись математические модели. Можно сказать, что сейчас, говоря словами английского физика и писателя Чарльза Сноу, перебрасывается мост над «пропастью, разделяющей гуманитарные и естественные науки». Перенос концептуальных и математических моделей из естествознания в гуманитарную область во многом стал возможен благодаря теории самоорганизации или синергетике.

Социология достаточно хорошо представляет свойства социальных сфер, экономика – экономических, науковедение – научных. Однако новое, востребованное обществом (а не обязательно рынком) изобретение, открытие, технология связаны с взаимодействием процессов во всех этих средах, с их интерфейсом, переходом «элементов новой реальности» между средами. Для многих обществ и, в частности, для нынешнего российского, гуманитарные инновации в сфере образования, обеспечивающие развитие, не менее важны, чем

новые промышленные технологии. Поэтому и успех, и приложения теории зависят от того, насколько глубоко и конструктивно удастся прояснить процессы «на границах» социальных сред.

А.А. Пискунов *(Счетная палата РФ)* отметил, что продуктивность мультисубъектных сред прямо зависит от уровня рефлексии и коммуникативности составляющих их субъектов. Фактически речь идет о способности генерации, трансляции и восприятия образов и смыслов как сигналов, отражающих границы состояний, трансформацию среды и самих субъектов. При этом состоятельность познающих субъектов зависит от силы их притязаний (мотиваций) и мобилизуемых ресурсов (потенций).

Максимальный синергетический эффект состоятельности субъектов достигается при *резонансе их активностей* в условиях рефлексивно сопряженных сред. Величина отклика прямо зависит от энергетики многообразия (спектра) отражений (В.А.Лефевр), длительности и синхронности активностей субъектов кооперации (Г.П.Щедровицкий).

Современные информационные технологии активно используют возможности формирования рефлексивных резонансов («индекс сплоченности») и диссонансов («индекс мятежности») для манипуляции общественным сознанием в СМИ и социальных сетях. Докладчик предложил свой концептуальный подход для решения методологических проблем стратегирования социально-экономического развития, суть которого состоит в более строгом отборе методик мониторинга, контроля и оценки состояния макроэкономической мультисубъектной среды, идентификации имеющихся социально-экономических и управленческих потенциалов, определения эффективных механизмов распознавания, постановки и решения проблем стратегического характера. Развитие данного подхода возможно вследствие включения в XXI веке в контур научного анализа, наряду с объектами, методологических инструментов, рефлексирующих знания субъектов, что способствовало синергии междисциплинарных исследований и практик.

Е.Н. Князева *(Институт философии РАН)* связала с понятием инновационной сложности представление об эмерджентных свойствах систем, возникающих в ходе их эволюции. Эмерджентность нельзя понимать упрощенно: это не просто непредсказуемость появления новых свойств. Когда мы говорим о непредсказуемости и непостижимости появления нового, мы подчеркиваем только гносеологический аспект новизны. Эмерждентность, как и креативная случайность, укоренена в бытии, имеет онтологическое основание. Когда говорят, что новое возникает спонтанно, ничем не детерминировано, то подчеркивают онтологический аспект.

Сложные структуры строятся на *активной среде* Новой концепцией, идущей от когнитивной науки, является концепция энактивности, т.е. вдействования сложной системы в среду. Сложная система изменяется, трансформируется и обновляется во взаимодействии со средой и от среды, она строит для себя свою среду, свое окружение (Umwelt), которое, в свою очередь, обратно воздействует на нее, ее определяя. Система и среда связаны петлями нелинейных обратных связей, по сути дела, они взаимно детерминируют друг друга, т.е. находятся в отношении ко-детерминации, они используют взаимно предоставленные возможности, пробуждают друг друга, со-рождаются, со-творятся, изменяются во взаимодействии и благодаря ему.

На симпозиуме были заслушаны десятки выступлений специалистов из различных регионов России, как правило, они носили прикладной характер и обогатили симпозиум связью с российскими реалиями.

Симпозиум продемонстрировал принципиально поисковый характер теории рефлексивных процессов в обосновании инновационного развития в условиях современной России, а также значимость сборки на этих основаниях нового субъекта социального управления во всем богатстве его характеристик. В целом, как подчеркнул В. Е. Лепский, выступая на завершении симпозиума, речь идет о создании «человекоразмерных» рефлексивно-активных сред динамического моделирования и развития социальных систем. В основу их организации положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем. Это та задача, которую должны решить российское общество и российское государство, окончательно избавляясь от болезни бессубъектности развития.

И.Е.Задорожнюк, доктор философских наук

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ
Том 11. январь-декабрь 2011. № 1-2

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com
Сдано в набор 20. 11. 11. Подписано в печать 25. 12. 11
Формат 60 × 90/16. Усл. печ. л. 11. Тираж 250 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Белый ветер»